

АЛЕКСАНДР МАЗИН

Разбуженный Дракон

Дракон Конга

Александр Мазин
Разбуженный дракон

«Автор»

1999

Мазин А. В.

Разбуженный дракон / А. В. Мазин — «Автор», 1999 — (Дракон Конга)

Дракон просыпается. Враг не побежден, он затаился. И пока Сантан – сын Тилода Зодчего наслаждается любовью Женщины Урнгура, колеса Судьбы неумолимо продолжают вращаться и Прошлое снова входит в Настоящее. Спящий дракон просыпается...

© Мазин А. В., 1999

© Автор, 1999

Содержание

Книга четвертая	6
ПРОЛОГ	6
I	7
II	13
III	19
IV	26
V	32
VI	40
VII	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Александр Мазин

Разбуженный дракон

*Солдат, солдат, глотни вина
Во славу всех богов!
Да будет кровь твоя красна,
Красней, чем у врагов!*

*Глотни, солдат, и дай глотннуть
И мне, солдат, – за нас!
Сегодня топчем пыльный путь,
А завтра топчут нас!*

*Глотни, солдат, вкус у вина,
Всегда, солдат, хорои.
А кровь тем больше солона,
Чем больше ее льешь.*

*Чтоб ты, солдат, приятней пах,
Ты пей, солдат, и пой!
А девки в южных городах —
Толпой, солдат, + толпой!*

*У нас, солдат, Судьба одна.
Молись, солдат, Судьбе!
Чтоб фляга ввек была полна,
И руки – при тебе!*

*Придут другие времена,
А ты солдат – живой!
Глотни, солдат, глотни вина!
Домой, солдат, домой!*

*Вино, солдат, – жена и брат:
Глотни – и ты согрет.
А дом, солдат...
Придешь, солдат,
А дома-то и нет.*

*Солдат, солдат, глотни вина
Во славу всех богов!
Да будет кровь твоя красна,
Красней, чем у врагов!*

Конгская песня

Книга четвертая ПОВЕЛИТЕЛЬ ДРАКОНА

ПРОЛОГ

«В году 1011 от воцарения Вэрда Смелого волей богов были посланы четверо героев, чтобы сокрушить демона, выпущенного из Пределов магом Ди Гоном, постигшим частицу магии Ушедших Тысячелетий.

Четверо же были:

Эрд, сын Дина, из славного рода Асенаров.

Биорк Эйриксон, вагар, из вождей вагаров, советник императора.

Нил, сын Биорка от женщины, коему дали боги Дар Неуязвимости, чтоб сокрушил он демона.

Этайа, светлорожденная.

Сошли герои на берег Конга в граде Фаранге и пробыли там долго, потому что отказывали конгаи им в проходе по собственной земле и помышляли убить их. Неудивительно это, ибо правили в благословенном Конге кровожадные соххогтои.

Но сила героев и мужество их превзошли козни врагов. Вырвались они и достигли владения соххогтойского, где томился в плену Сантан из Фаранга, прозванный позднее Освободителем.

Далее путь их лежал на запад, в обход Урнгура. Но демон пробудил древний вулкан и разрушил путь. Потому пришлось героям войти в пределы Урнгура, где правило Зло.

Никто не сумел остановить героев, но погиб в битве с моросами горец Ортран. Слава ему!

В Урнгуре сильные нашли друзей. И врагов нашли. Первым же из недругов стал сам Ди Гон, чародей могучий и верховный жрец кроволюбивого Хаора. Ополчился на них Ди Гон и пожелал принести героев в жертву алчному богу своему.

И была битва. И сразила мага стрела вагара Биорка.

Но жестокая цена была заплачена за победу: неуязвимость, Дар Богов, ушла от Нила Биоркита.

Тогда явился к ним сам Трой-Странник и вручил Нилу чародейский жезл. И еще дракона бронзовокрылого.

Полетели на нем Нил и Сантан на запад. А с Сантаном был еще Белый Меч, Клинок Асенаров, что отдал юному магу сам Эрд Наследник. Велика была сила Меча и подвластна Сантану, ибо, хоть и не ведал о том, был он по крови матери своей Асенаром, потомком великого Асхенны.

Нашли герои демона, сразились с ним и изгнали в тяжелой борьбе.

Тогда устерег их, изнемогших, свирепый бог Хаор. И собственноручно возжелал отмстить погубившим верховного жреца его и оскорбившим славу злого бога.

И взял Хаор жизнь Нила Биоркита.

И качнулись Весы, и поднялся из глубин сам Потрясатель Тверди. И не стало Хаора».

Сигвар Гурский. Описание земель, глава Благословенный Конг

I

«Дракон устремляется к Вратам Неба».
Надпись на гадальной кости

Нил не умер. Кровь перестала течь из ран. Ушла боль. Ушло сознание. Вместе с затихающими ударами сердца. Да, так: сердце больше не билось, но человек был жив. Потому что таково было желание Санти: Не умирай!

И Санти, склонясь над искалеченным телом друга, ощущал эту крохотную искорку Жизни.

«Этайа! – позвал он. – Этайа!»

И не услышал ответа.

Не мог услышать. Хрустальная нить оборвалась. Прежнего Санти больше не было. Сам еще не ведая, он стал иным.

Юноша положил руку на грудь друга, прислушался...

«Этайа поможет! – уверил он себя, и сердце вновь наполнилось надеждой. – Только – вернуться в Урнгур!»

Санти поднял голову, взглянул на задымленное небо и сразу ощутил, как содрогается земля, как с грохотом лопаются скалы. Ощутил запах дыма и свежесть молниевых разрядов. И жар, опаляющий затылок. Санти не обернулся. Что ему до битвы богов?

«Дракон!» – вспомнил он. И позвал. Не словом – мыслью, так, как зовут дракона. Частью своего существа. Могучей силой желания.

Ответ пришел. Слабый, но явственный. Дракон! Теперь оставалось только ждать.

Взгляд Санти остановился на окаменевшем лице Нила, и его собственное лицо тоже окаменело. Раскаленные куски взрывающихся скал, перелетая через ущелье, с грохотом разбивались на множество осколков. Но ни один не упал ближе двадцати шагов. Санти не думал об этом, не беспокоился о том, чтобы укрыть себя и Нила в каком-нибудь безопасном месте. Будто невидимый круг был очерчен вокруг них. Падающие камни, нечеловеческая битва были вне этого круга.

«Быстрой!» – метнулся вдаль новый зов Санти.

Слабый отклик...

И вдруг, как вспышка:

«Я здесь!»

И тут же, сверху, сквозь рев, треск и грохот – могучий низкий голос дракона.

Санти запрокинул голову, ожидая увидеть солнечный блеск бронзовых крыльев. Но не увидел. Он еще вглядывался в испятнанное ключьями дыма небо, когда тень легла на него сверху и жарким ветром обдало лицо. Дракон сел. И не бронзовым он был, а серо-свинцовым, почти черным, как море в хмурую погоду.

«Кто ты?» – мысленно воскликнул Санти.

Но еще раньше ощутил, как внутри шевельнулось что-то. Что-то непостижимое потянулось навстречу крылатому гиганту...

«Кто я?» – эхом отозвался дракон.

Крепкие когти заскребли по камням, оставляя на них глубокие борозды. Дракон сложил крылья, покосился на противоположную сторону ущелья, где еще кипела битва, и попятился, подбираясь поближе к человеку. Санти понял: огромный зверь ищет его защиты – и удивился этому.

«Кто ты?» – вновь спросил он.

«Ты звал». – Огромная треугольная голова нависла над Санти, круглый глаз мигнул.

Юноша посмотрел на спинной гребень в шести локтях над ним, затем на распростертое на камнях тело... и гладкое крыло легло на землю, коснувшись Нила. Санти даже не успел задуматься: дракон понял его мысль быстрее, чем он сам. Санти осторожно приподнял голову и плечо Нила. Крыло скользнуло под туловище великана. Санти осталось лишь немного подтолкнуть. Крыло приподнялось, натянулось, прогнулось под тяжестью человека. Совсем немного прогнулось. Дракон ждал. Санти, сообразив, тоже вскарабкался на крыло, ухватившись за отогнутый когтистый «палец» дракона. И сразу почувствовал, как плавно поднимается вверх.

«Какая сила!» – восхитился он, забыв, что во время полета крыло несет куда больший вес. И почувствовал отклик дракона. Зверю было приятно его восхищение. Кожа крыла оказалась настолько гладкой, что Санти и Нил беспрепятственно соскользнули к спинному хребту. Юноша перетащил через него тело воина и уселся сам, в ложбину у основания шеи. Только теперь юноша бросил взгляд на другую сторону ущелья. Но ничего не смог разглядеть, кроме вспышек багрового и синего пламени и черного дыма, закрывшего горный склон до самой оснеженной вершины.

Юноша уловил беспокойную мысль дракона.

«Летим!» – разрешил он, и серый зверь, мощно оттолкнувшись лапами от площадки, быстро заработал крыльями, удерживая себя в воздухе. Знай Санти драконов лучше, он оценил бы всю меру беспокойства крылатого гиганта: драконы крайне редко взлетают с ровного места, так как при этом можно повредить крылья. Знай он драконов лучше, он еще более удивился бы тому, как легко приняли они друг друга: Санти и дракон. Как две части одного целого. Но сын Тилода и Эйрис-Харрок не знал о том, как трудно привыкают драконы к человеку. Не знал – и не беспокоился.

Дракон завис в двадцати локтях над поверхностью, и, будто дожидавшаяся, когда он оторвется от нее, скала лопнула с оглушительным треском. Раскаленный воздух подбросил дракона сразу на полсотни локтей вверх и, уже более плавно, продолжал поднимать, все дальше от пульсирующего внизу красного, как живая плоть, разлома. Дракон описал в воздухе круг, другой... Санти взглянул вниз: теперь обе стороны ущелья залила багровая кровь земли. Ущелья больше не существовало. Вместо него – бурлящая лава, вскипающая пузырями газа, окутанная дымом. Взрыв, грохот – дракона подбросило вверх, еще взрыв – и вершина горы под ними начала клониться в сторону, сначала очень-очень медленно, потом быстрее, быстрее... И в этой рушащейся громаде, в массах распадающегося камня, в пламени и в дыму Санти на миг еще раз увидел извергающий молнии трезубец и увенчанную багровым земным огнем голову Потрясателя Тверди. Сверху голова эта не казалась такой уж большой, и сам могучий бог, ворочающийся среди кипящей магмы, тоже не выглядел огромным. Со спины дракона! Трезубец взлетел вверх, и сноп синего огня ушел в закопченное небо: Потрясатель Тверди поверг горное божество.

Земля внизу вздыбливалась и опадала, как штормовое море. Густые клубы дыма и пепла, черные удушливые раскаленные облака висели над твердью, как грозовые тучи над бушующим океаном. И ветвистые молнии с треском вспарывали воздух. Только не сверху, а снизу взлетали они, и ничто живое не могло уцелеть там, в пламени, поглотившем гордые замки скалистых пиков с легкостью, с которой глотает лед кипящая вода.

«Жаль, что она погибла!» – подумал Санти о чудесной пещере. Только – о пещере. Он знал: вся подземная мощь не может повредить огненному демону. Демону, некогда бывшему маленьким мальчиком, игравшим с лохматым псом на ступенях дома перед зеленой лужайкой. Какой же путь должно пройти, чтобы из мальчишки стать демоном – и снова мальчишкой? На миг Санти стало страшно: ему показалось, что он уже знает этот путь...

Серый дракон, набрав высоту, стремительно летел на восток. Широкие паруса крыльев были почти неподвижны. Лишь концы их время от времени изгибались, и тогда мощное тело дракона взмывало, теряя скорость, или, наоборот, обгоняя ветер, несло вниз.

Набрав высоту в одном из горячих восходящих потоков, которых в вулканическом краю множество, дракон «срывался» и устремлялся к следующему. Полет дракона был так ровен, что Санти, вначале придерживавший беспомощное тело Нила, перестал беспокоиться о том, что его друг сорвется вниз. От места великой битвы их отделяло уже порядочное расстояние. И тут Санти услышал еще один зов. Откинувшись назад, он запрокинул голову и увидел парящего над ним бронзового.

«Можешь лететь с нами?» – спросил юноша.

Дракон, развернувшись, пристроился слева от своего серого собрата. Санти невольно залюбовался им. Сверкающий, устремленный вперед, гибкий, «плывущий» в воздухе, словно в водной толще. Челюсти дракона были сомкнуты, бронзовые крылья выгибались вверх, длинный хвост с ромбом плавника поднимался и опускался, направляя полет. Два дракона, летящие на восток. Один – серый, огромный, тускло блестящий, второй – поменьше, бронзовый, «горячий», как пламя солнца.

«Я лечу на драконе!» – думает Санти. Его левая рука сжимает правую, неповрежденную, руку Нила. Внизу – черные острые клыки Большого хребта. Вверху – синее, снова синее, а не запятнанное дымом небо. Впереди – серая, широкая у основания голова с костным гребнем, а сзади – плоская лопасть хвоста пляшет в воздухе, как отдельное живое существо. Юноша чувствует теплые мысли дракона. Такие же теплые, как мощное тело под тускло блестящей шкурой. Санти ощущает свое сродство с крылатым гигантом. Ему кажется, что они вместе уже давным-давно, что дракон – часть самого юноши. Это очень приятно... и немного беспокоит.

«Я – маг!» – думает Санти. И мысль эта скорее удивляет, чем радует. Он смотрит вниз, и взгляд его падает на эфес Белого Меча. Санти касается его, принимает скрытую в нем силу. «А им, – думает он, – рубили врагов, как обычной железкой!»

«Форма! – говорит ему Меч. – Форма, Большой Брат! Я могу быть Мечом, Посохом, Перстнем или Чашей из аметиста! Мной можно рубить, нащупывать путь, давить теплую смолу или пить из меня старое вино. Мной можно делать все это, но ни Меч, ни Посох, ни Чаша, ни Перстень не разорвут сетей Мироздания! Я – как ты, Большой Брат». Санти немного удивляется тому, что Меч говорит. Так же, как удивился появлению серого великана-дракона. А дракон, о котором вспомнили, тотчас отзывается, шлет ему свою верность. Санти отвечает ему тем же. «Мой Меч, мой Дракон... – думает он. – Не много ли для уличного певца? Или я больше не певец?»

«А ты хочешь?» – спрашивает Меч.

Санти задумывается...

«Да! Хочу! Все же – это Дар! Да! Я оставлю его при себе!»

«Прекрасно! – одобряет Меч. – Знаешь, ты единственный певец, который вправе решать: оставить ли ему Дар или вернуть Дарящему!»

Впереди бушует пламя
И вершины топят мгла.
И крошится вечный камень,
Как древесная зола
Под чугунными перстами.
Но, Волшебная Стрела,
Мы летим! И мчит под нами
Тень драконова крыла!

«Крыльев! – приходит к Санти мысль бронзового. – Я не мог успеть раньше!»

«Не мог!» – соглашается юноша. Драконы не лгут.

Бронзовый опускается ниже, и Санти видит озабоченное лицо Гестиона.

– Нил? – кричит ему мальчик.

– Жив! – кричит в ответ юноша. – Этайа поможет ему!

«Тай!» – зовет он медленно.

И вновь не получает ответа.

Черные горы плывут вниз.

Когда Санти увидел впереди обведенное хребтами плоскогорье Урнгура, землю уже укрывали сумерки. Но здесь, наверху, небесный огонь еще полыхал красным заревом. Два дракона заскользили вниз, как две падающие стрелы. Мелькнула-проплыла внизу ленточка реки, игрушечный Шугр, опоясанный колечками стен, темно-зеленые сады по обе стороны Шуги. Санти разглядел даже черные семечки лодок, прилипшие к берегам пониже излучины. Драконы спускались все ниже, западный ветер нес их над Дорогой Богов, черной четкой линией пересекавшей более светлые луга. Санти видел медленно ползущие повозки, крошечные фигурки пешеходов и редких всадников, обгонявших запряженные волами повозки.

А сумерки все сгущались. До селения Гнон оставалось не больше четырех миль. Ландшафт внизу уже слился в единое черное покрывало, но внутренним зрением Санти видел ступени из плоских крыш, спускавшиеся к изумрудно мерцающей водной глади. Попутный ветер нес драконов почти до самого селения, и только когда на востоке поднялась черная стена гор, ветер начал стихать. Но внизу уже расстиралось озеро Гнон.

Обитатели селения спали: в Урнгуре рано ложатся те, кого утром ждет работа. Впрочем, не в одном Урнгуре.

Драконы темными теньями плыли в светлом еще небе с редкими звездами и серебристым серпом луны на востоке. Поверхность озера, лаково-черная, лежала внизу, как драгоценный камень, оправленный в зубчатые скальные берега. Воздух, напоенный влажными испарениями, еще не стал добычей тьмы, и клыки утесов отчетливо вырисовывались в сумеречной дымке.

Драконы пронеслись над самой водой и разом взмыли вверх. Санти увидел под темным крылом Серого сияющий огнями Озерный Дом. Дракон упал вниз и, часто ударя крыльями, вцепился когтями в загнутый край крыши. Край, прочности которого хватало, чтобы нести тяжесть зимнего снега, выдержал вес дракона.

«Этайа! – позвал Санти, соскальзывая со спины дракона на выгнутый, как шея парда, угол крыши. – Этайа!»

И не услышал ничего.

Под ним, на террасе второго этажа, вспыхнули огни, раздался топот ног.

«Жди меня!» – передал Санти Серому и, ухватившись за деревянную кромку, повис на руках, раскачался и ловко спрыгнул на деревянный настил террасы. Слуги Ронзангтондамени тотчас окружили его. Они что-то тараторили, смеялись... Бездымное ровное пламя вырывалось из медных чаш.

Санти стоял между ними, окаменев. Он осознал: Этайи в доме нет!

Слуги расступились, пропуская Ронзангтондамени. Женщина Гнона протянула к нему руки... и уронила их. Санти ослеп. И оцепенел.

Врожденным чутьем Женщины Урнгура она поняла, что происходит.

«Этайа вернулась домой!» – мысленно произнесла Ангнани, вложив в свое сообщение все тепло, которое хранилось в ее сердце.

И жизнь вновь вернулась в глаза Санти и наполнила их болью.

– Нил, – тихо проговорил он. – Там, наверху, на спине дракона. Вели своим людям снять его.

– Эрд... – Светлорожденный остановился за спиной Ронзангтондамени. – Я не смог уберечь его, Эрд...

Светлорожденный подошел к Санти и просто обнял его. Он ничего не сказал. Что можно сказать, если Нил мертв?

– Он жив, – прошептал юноша. – Но... Где Этайа? Почему она...

– Маг Трой прилетел за ней! – ответил светлорожденный. – Она ничего не стала объяснять. Сказала лишь, что улетает домой. Что с Нилом, Санти?

«Теперь я могу рассчитывать только на себя! – с горечью подумал юноша. – Нил умрет». Но он ошибся.

– Леог! Кнол! За лекарем! Быстро! – раздался повелительный голос Ронзангтондамени. – Хиниг! Возьми троих! С носилками на крышу!

– Если он жив, он не умрет, Санти! – Женщина Гнона ласково коснулась плеча фарангца. – Пойдем вниз. Я покажу тебе кое-что...

Она взяла Санти за руку и повела за собой. Следом бесшумно ступал Эрд. Втроем они сошли на первый этаж, в маленькую комнатку без окон. Ронзангтондамени сдвинула одну из выпцветших шпалер. За ней Санти увидел дверной проем, а дальше – ведущую вниз лестницу.

Он удивился. Озерный Дом стоял на сваях, и юноша никогда не думал, что под ним может что-то быть.

Лестница шла между стен наклонного колодца, достаточно широкого, чтобы пять человек могли спускаться рядом, не наклоняя головы. А сам колодец находился прямо под центром дома, и увидеть его можно было, лишь заглянув под платформу, на которой возвели здание. Колодец оказался неглубок – тридцать ступеней. Лестница привела в круглую комнату без украшений, вырезанную в камне. Три каменные же двери имелись в ней. Не считая той, что служила входом. Все три были закрыты, и на каждой Санти ощутил мощные магические печати.

Ронзангтондамени провела ладонью перед одной из них и, выждав пару мгновений, толкнула. Дверь без скрипа, легко отошла в сторону, и юноша увидел Саркофаг.

– Входите! – предложила Женщина Гнона.

Саркофаг стоял на постаменте посреди небольшой пещеры. От него исходило ровное сине-зеленое свечение, в котором померк факел в руке слуги. Сам Саркофаг больше всего напоминал огромный драгоценный камень, ограненный и подсвеченный изнутри. Камень более прекрасный, чем берилл. Санти коснулся Белого Меча, однако сияние не угасло, и Саркофаг не утратил формы. Но теперь Санти разглядел, что Саркофаг – полый внутри и содержит вязкую, медленно движущуюся субстанцию.

– Что это? – спросил он.

– Хранитель Жизни! – Ронзангтондамени дотронулась до прозрачной поверхности – и стенка Саркофага медленно поднялась. Толщиной она была около полулоктя. Субстанция, наполняющая Саркофаг, не вытекла, а образовала колеблющуюся поверхность, будто некая пленка удерживала ее.

– Если лекарь ничего не сможет сделать, мы поместим твоего друга сюда! – сказала Женщина Гнона. – Здесь он не умрет! Может быть, когда-нибудь некто, обладающий Силой, вернет его миру!

Санти прикоснулся к невидимой пленке, удерживающей сияющую субстанцию, и рука его, не встретив сопротивления, погрузилась в сине-зеленое вещество. Санти ощутил тепло и холод одновременно. И – приятное покалывание. А потом – будто пушистым мехом провели по коже. Крохотные искорки закружились вокруг кисти. И вновь, как тогда, на спине серого дракона, юноше показалось, что ему уже знакомо происходящее. И чудесный Саркофаг тоже знаком. Санти невольно задержал руку внутри, а когда вынул, обнаружил, что ладонь стала чистой. Исчезла не только грязь, пропали все царапины. Обломанные ногти стали гладкими и розовыми, словно Санти холил их несколько месяцев.

– Как сильна твоя магия! – с удивлением произнесла Ронзангтондамени. – Даже меня Хранитель Жизни не признает так быстро!

Она вновь прикоснулась рукой к Саркофагу – и прозрачная стенка медленно опустилась. Возник и угас нежный хрустальный звон. Ни единого зазора или шва не было там, где стенка соприкоснулась с ложем Саркофага. Две поверхности будто срослись.

– Он много древней, чем перстень на твоём пальце! – сказала Ронзангтондамени. – Но пойдём! Может быть, искусства лекаря будет довольно?

Надежды не оправдались. Лекарь соединил кости и зашил раны.

– Он же мертв! – шепнул целитель Женщине Гнона. – Сердце не бьётся!

– Это – выше твоего мастерства, – ответила Ронзангтондамени. – Делай что можешь и не трать времени!

Санги стоял рядом и ощущал, как трепещет огонек Жизни Нила. Он не знал, как раздуть его в пламя, не знал, как помешать ему угаснуть. Магия Санги была сильна, но сам он оказался слабее собственной магии.

«Ты слишком рано ушла от меня, Тай!» – мысленно произнес он, каким-то краешком надежды ожидая, что фьэль откликнется. Отклика не было.

Через час шестеро слуг подняли Саркофаг наверх.

Ронзангтондамени прикосновением заставила Саркофаг раскрыться. Санги и Эрд с помощью самой Женщины подняли грузное тело сына Биорка и уложили его в Саркофаг. Когда Нил оказался внутри, стенка Хранителя Жизни сама начала опускаться. Вновь возник хрустальный звон. Ронзангтондамени, Санги, Эрд, слуги – все отступили назад.

Безжизненное тело плавало в светящейся субстанции. Крохотные огоньки плясали вокруг него. Хранитель Жизни принял Нила. Теперь только богам было известно, когда Саркофаг раскроется вновь. Если раскроется...

II

«...Если Женицина Селения, достигнув зрелости, пожелает взять мужа, то пусть она берет его из числа своих, или пусть возьмет любого чистого ургриа, что придется ей по нраву, если нет другой Женицины, которая избрала его прежде. В последнем случае обязана пожелавшая позже испросить соизволения Сестры. Взяв мужа, Женицина Селения, в отличие от Женицины не властвующей, обязана пожизненно содержать избранного, не отказывая ему в пище и крове и не препятствуя ему развлекаться с другими мужчинами. Но – только из числа ее собственных мужей, и только если игры эти не препятствуют удовлетворению желаний самой Женицины Селения. Что же до последнего, то сие – целиком на усмотрение самой Женицины. Но она, по воле Хаора Доброго и Справедливого, также должна быть добра и справедлива и не изнурять собой полюбившегося более других мужа, а помнить, что она – Женицина. Он же – всего лишь мужчина.

Посему же и взятый в мужья должен побуждать Женицину Селения ко взятию и других мужей, чем более числом, тем лучше. И взятый прежде другого (других) пусть по мере сил старается доставить новому мужу (мужьям) высшее положение в сравнении с собой. Пусть обращается с ним (с ними) ласково, заботится об одежде их, теле, прочем убранстве и особо – о чистоте органов. Если новый муж (мужья) недостаточно внимателен (внимательны) к Женицине Селения, старшему надлежит наставить его (их). А именно:

Муж должен знать, что нравится Женицине Селения, а что неприятно ей. По возвращении ее домой муж всегда стоит наготове, ожидая. Муж не покидает дома без соизволения Женицины, но обязан сопровождать ей, буде таково ее желание, в любом странствии. Во всех развлечениях ведет себя так, чтобы угодить Женицине Селения. Никогда не будит ее спящую. Сколько б ни огорчался муж поступками Женицины, он не должен чрезмерно жаловаться, но может обратиться к ней со словами упрека, и Женицине Селения подобает выслушать его без гнева один раз. Мужу не следует произносить дурных слов, глядеть со злобой, говорить отвернувшись. Пусть оказывает Женицине почет, остерегается дурного запаха от пота, изо рта или от иных частей тела. Пусть следит за чистотой одежды своей, пользуется украшениями и притираниями, чтобы сохранить привлекательность свою, а также не избегает благовоний, чтобы доставить удовольствие Женицине, взявшей его.

Вот малое из того, чему прежний муж обязан научить нового (новых), помня, что и сам он, до счастья стать мужем, вел иную, низкую жизнь. Он не должен выказывать гордости или насмехаться. В присутствии Женицины или без нее он обучает нового мужа (мужей) множеству различных искусств, а также тому, как доставить взявшей их под свой кров наибольшее удовольствие. Помня о том, что Женицине Селения подобает разнообразие, муж пусть объединится с тем из мужей, кто ближе ему. Того же, к кому Женицина привязана более других, пусть с помощью подстрекательств и нежности поссорят с ней. А затем проявят сочувствие к нему. Допустимо также, объединясь с другими мужьями, порочить того, к кому более привязана женицина. Когда же она станет ссориться с ним, мужьям следует принять его сторону и, не оскорбляя Женицину, поддерживать его утешениями. Если, не удовлетвовавшись мужьями, пожелает Женицина Селения

соединиться с другим мужчиной, избранным ею, мужьям следует потакать такому желанию: может, понравится и этот Женщине так, что захочет она присоединить нового к их числу.

Новому же мужу следует смотреть на старшего с вниманием и почтением, ибо в том, что жизнь его (нового) ныне протекает в достатке, праздности и радости, недоступной другим урнгуря, есть и его (старшего) заслуга. Так, во имя Хаора Доброго, Справедливого и Могущественного следует...»

Из «Наставлений» Тлат-Ха, Сирхара Урнгура

– Ангнани! – громко произнес Санти, остановившись у запертой двери.

– Пожалуйста, подожди немного! – услышал он и понял, что Ронзангтондамени – не одна.

Юноша отошел к окну, на две трети затянутому прозрачной пленкой. Он увидел кусочек подкрашенной закатом воды и чудовищные клыки камней, прорвавших поверхность залива. Дальше темнела уступчатая, изрезанная трещинами, нависающая наподобие лба крепостная стена берега. Не слишком привлекательный вид!

Дверь отворилась. Ронзангтондамени стояла в проеме, улыбаясь ласково и несколько смущенно.

– Прости, что заставила тебя ждать! – проговорила она и отодвинулась в сторону.

Трое из ее мужей, один за другим, проскользнули в коридор. Каждый, не поднимая глаз, вежливо произнес слова приветствия Санти. Ронзангтондамени шагнула назад:

– Входи же!

И Санти вошел.

«Как неудачно! – подумал он. – Все-таки они – ее мужья... в отличие от меня!» – И улыбнулся Ангнани, чтобы сгладить неловкость. Разбросанные подушки, чаши с вином, сладкий запах курений ясно говорили о происходившем в комнате несколько минут назад.

Ронзангтондамени истолковала его взгляд по-своему. Она звонко хлопнула в ладоши, одновременно ногой, обутой в позолоченную сандалию, подвинув к Санти подушку.

Появился слуга.

– Прибери здесь и принеси еще вина! – приказала Женщина Гнона.

Санти, уже немного понимавший по-урнгурски, улыбнулся второй части ее приказа.

Ронзангтондамени уселась на подушку напротив.

– Я рада, что ты вспомнил обо мне! – заявила она.

– Извини, я не вовремя! – улыбнулся юноша.

– О чем ты? А! Оставь! Они очень милы и доставляют мне немало радостей, но какое это имеет значение для нас?

И Санти наконец с удивлением осознал: смущение Ронзангтондамени протекает вовсе не оттого, что он застал ее во время любовной игры с мужчинами. Она была смущена тем, что заставила его, Санти, ждать! Еще один урок Урнгура: разве конгайская женщина смутится, если ее застанут играющей с кошкой?

Вошел слуга. Он поставил перед Санти высокий бокал, выточенный из хрусталя. По знаку хозяйки наполнил конический сосуд золотисто-зеленым вином с запахом ветра и свежей травы. Санти пригубил свой бокал, а Ронзангтондамени отпила из своего. Ее вино было ярко-красным, даже – пурпурным и густым, как кровь.

– Хотел спросить тебя, Ангнани... Твоя дочь... (Вчера Женщина Гнона представила ему свою наследницу: спокойную, очень внимательную девочку, маленькую копию матери.) Кто ее отец?

– А какая разница? – Женщина засмеялась и сделала еще один глоток, вино окрасило ее губы в цвет настоящей крови. Не от этого ли Санти уловил в ее глазах хищный отсвет?

– Ты – не урнгрия! – Она облизнула губы проворным языком и сделала знак убравшему в комнате слуге, чтобы тот налил ей вина. – Поэтому ты чересчур заботишься о моих мужьях! Больше чем я! – И рассмеялась.

Это была шутка, которую Санти не понял.

– Мои мужья! Двое из них предпочитают друг друга моему обществу. А третий, глупыш, мечтает о перстне, который я подарила тебе! Но этот камень не идет к его коротеньким мыслям! – Она снова засмеялась хрипловатым смешком. – Зато он более неутомим, чем другие! – И уловив эмоции Санти (иногда она очень чутко воспринимала их): – Я говорю с тобой, как с Женщиной!

– Тебя это волнует? – спросил Санти, наполняя свой бокал.

Ее эмоции он воспринимал с не меньшей чуткостью. Если хотел.

– Возбуждает! – Глаза женщины вспыхнули. Она сделала большой глоток, и рот ее вновь окрасился в цвет свежей крови.

– О да! Собственные мысли волнуют меня больше, чем мужчины! Я говорю не о тебе, ты понимаешь?

Санти кивнул. Он не сводил глаз с ее смуглокожего увлажнившегося лица.

– Мои мужья... Они как... Как когда я пьяна! Вино должно пьянить, но вино, которое только опьяняет, – разве им можно наслаждаться? А наслаждаться ведь можно и без опьянения, мой Санти!

– Это так! – согласился юноша, вспомнив о Тай.

И с удивительной чуткостью Ронзангтондамени спросила:

– Твоя... моя сестра, Этайа, она лучше меня?

– Что? – Санти опешил. Но нашелся и, в свою очередь, спросил: – Вино, то, что пью я, – лучше твоего?

– Вино? Нет... Не знаю... Но то, которое пьешь ты, оно очень подходит тебе! И это очень хорошее вино! Разве я посмела бы предложить тебе иное? – И единым глотком осушив свой бокал: – Но мое – намного крепче!

– Это видно! – улыбнулся Санти.

Слуга, темноглазый юноша с испуганной улыбкой на узком лице, налил ей еще.

Женщина Гнона поймала его за край куртки и потянула к себе – слуга еле успел поставить кувшин на пол. Ронзангтондамени буквально уронила юношу на свои колени и, лаская одной рукой, другой поднесла к пухлым губам юного урнгрия свой собственный бокал:

– Пей, мой хороший!

Санти мог поклясться, что парнишка совсем не ощущает вкуса драгоценного вина. Он сидел, напряженно выпрямив спину. В левой руке его все еще был зажат букет свежих цветов. Когда он глотал, кадык ходил вверх-вниз по тонкой шее.

Ласки Генани становились все откровенней. Ее смуглая рука проникла под тонкую ткань белой одежды слуги. Юноша застыл. Вино в бокале иссякло, женщина поставила хрустальный сосуд на ковер и освободившейся рукой закрыла урнгрия глаза.

Санти, взяв из вазы маленький розовый банан, аккуратно очистил и стал есть. Лаская слугу, Ангнани смотрела только на Санти, и юноша улыбнулся ей, продолжая раз за разом откусывать приторно-сладкую мякоть.

Слуга часто задышал. Рот его открылся.

Санти положил в вазу розовую кожуру.

Слуга на коленях Ронзангтондамени судорожно вздохнул.

Санти наполнил свой бокал, полюбовался игрой света в искрящейся жидкости. Крохотные пузырьки воздуха прилипли к хрустальным стенкам бокала.

Ронзангтондамени спихнула с колен обмякшего слугу.

– Иди, милый! – сказала она. И обращаясь к Санти: – Видишь? А к тебе разве я осмелюсь прикоснуться без твоего желания?

– По-моему, он был не против, – Санти кивнул в сторону скрывшегося за дверью слуги.

– А ты? – Синие расширившиеся глаза Ангнани отражали пламя масляных ламп.

– Иди ко мне! – позвал юноша, протянув руку.

– Нет! – Женщина Гнона резко мотнула головой. Ее коса, как змея, прыгнула в сторону и сшибла вазу, в которую ушедший слуга не забыл-таки поставить цветы.

Высокая ваза, выточенная из голубого нефрита, опрокинувшись, покатилась по полу. Цветы рассыпались. Пролившаяся вода пропитала толстый ковер.

– Ангнани! – мягко попросил Санти.

Женщина метнулась к нему и упала рядом на подушки, положив подбородок на колено юноши. Так, лежа на животе, она согнула ноги, задрыгала ими в воздухе и захохотала.

– Ты ведешь себя, как дитя! – Санти осторожно вынул шпильки и снял обруч-диадему с ее головы.

– Угу! – Светло-коричневые крепкие икры женщины были оплетены вызолоченными узкими ремешками сандалий.

– Как дитя! – Санти запустил пальцы в ее темные волосы и коснулся губами гладкого лба.

Ронзангтондамени вдруг дернулась, стремительно вскочила на ноги – и Санти едва успел выхватить пальцы из-под ее туго натянутых на затылке волос.

А женщина уже прыгнула на середину комнаты и завертелась волчком, колоколом вздув темно-красную парчовую юбку.

Подолы ее сандалий мягко ударяли в покрытый ковром пол. Руки металась, как ветви дерева под порывами урагана, а широкие рукава, собранные у запястий, шелкали и хлопали, словно маленькие крылья. Это был самый безумный из всех виденных Санти танцев. И меньше всего он ждал подобного от Женщины Гнона.

А она все кружилась, выкрикивая непонятные, похожие на заклинания слова, и юноша чувствовал, как быстрее забилось его сердце. Запах разгоряченного женского тела стал сильнее аромата курений. Шелковый шнур, стягивающий лиф ее платья, развязался, платье разошлось на груди, открыв бронзовую влажную полоску кожи. Женщина танцевала уже не посередине комнаты, а рядом, вокруг Санти, задевая его тяжелым подолом юбки, обдавая ветром. Юноша любовался ею, замороженный стремительным танцем, обметающим его красным вихрем. Помимо своей воли он стал отбивать такт, ударяя ладонью по колену.

А Ангнани вновь вынеслась на середину комнаты и закружилась так, что юбка, руки, коса ее взвились и завертелись в воздухе размытыми кругами. Ноги, сильные, смуглые, казавшиеся еще длиннее от выгнутых луками стоп, быстро сплетались и расплетались, мелькая круглыми коленями, гладкой блестящей кожей бедер, золотыми ремешками сандалий...

Она вскрикнула так, что дрогнуло желтое пламя светильников. Узел голубого шелкового набедренника, светлый на фоне темной кожи, ослабел, начал распускаться, тонкая паутинная ткань, соскользнув, закружилась в воздухе...

Но, прежде чем она коснулась пола, женщина, вскрикнув еще раз, прыгнула на колени Санти! Прыгнула, углом расставив ноги, упала всей тяжестью, вышибла воздух из его легких, обвила талию Санти петлей своих ног, сбросила с подушки, опрокинув на спину, сжала коленями, как сжимает всадник бока парда, понуждая его к скачке. Штаны Санти из серой шелковой ткани затрещали, когда Женщина Гнона вцепилась в них. Миг – и крепкая ткань, которую и ножом нелегко разрезать, разорвалась, как бумага! Санти еще успел удивиться такой нечеловеческой силе, прежде чем влага ее оросила ему чресла и жар внутри ее тела ожег и сжал его плоть.

– Ангнани, не спеши... – прошептал он вдруг пересохшими губами; но тут огонь, бушевавший в той части его тела, что ниже сердца, полыхнул и залил его целиком.

А очнулся Санти стоящим на ногах, в комнате, где в воздухе еще плавало эхо его собственного крика, с Ангнани, обхватившей его плечи, обвившей ногами его бедра, рычащей, как огромная коричневая пантера, вцепившейся зубами ему в волосы, душащей его гигантской грудью, прижавшейся к лицу Санти.

Колени юноши подогнулись, и он рухнул, ударившись спиной о ковер. Ангнани успела соскочить с него, как спрыгивает кошка с подломившегося дерева. А он лежал, мокрый, с ударами сердца, отдающимися болью в каждой частице тела.

Ангнани пала на колени рядом, глаза ее безумно блуждали. Одежда, от которой остались одни клочья, пропиталась потом. Губы ее были окровавлены, а на правой щеке двумя алыми дугами – след зубов. Настоящая рана! Коса до половины расплелась, серебряные и золотые канительные нити торчали в разные стороны. Ниже линии ключиц вспух след удара, а груди, увеличившись почти вдвое, отяжелели настолько, что женщине приходилось откидываться назад. Живот же, наоборот, втянулся, руки и ноги истончились, как бывает после тяжелой болезни, а кожа из светло-коричневой стала бронзовой, почти медной. Одна из сандалий пропала. На коже икры, переплетаясь, алели четкие следы ремешков.

Ангнани еще больше откинулась назад, дотянулась до чаши для омовений, до краев наполнила ее светлым вином и, приподняв голову Санти, стала поить его, как поят больного. Он пил, не ощущая букета и аромата вина, – только кисловатый вкус. И каждый новый глоток возвращал ему силы. Казалось, вино попадает в кровь, не достигая желудка, – сразу после глотка. Он выпил чашу до дна, а Ангнани вновь до краев наполнила чашу и, запрокинув голову, пила, держа ее двумя руками над мокрым лицом. Две тоненькие струйки сбегали по ее подбородку, соединяясь вместе в ложбине между грудями, струились по животу и исчезали в слипшемся руне лона.

Допив, женщина отшвырнула чашу. Глаза ее обрели блеск. Санти приподнялся на локте. Он был вновь силен, и он хотел ее! Немедленно! И она хотела его! Жажда нарастала в них синхронно. Тело женщины напряглось для прыжка, но на сей раз Санти опередил ее. Ронзангтон-дамени сидела на ковре, ягодицами – между пяток. Санти толкнул ее так, что лопатки Ангнани стукнулись об пол. Она откинулась... и разогнулась, как пружина, опрокинув юношу навзничь, прижав к полу!

Но Санти рывком сбросил ее с себя, перевернулся, упал между ее ногами, вонзил пальцы в ее ребра. Ангнани выгнулась луком, упершись пятками и плечами в ковер, и Санти пронзил ее снизу вверх быстрее, чем ударяет копьё в горло врага! И опять забушевало пламя, столь яростное, что, казалось, оно поднимает их в воздух. А может быть, и не казалось! И хотя все было еще безумней, чем в первый раз, Санти все же ухитрился сохранить частичку мысли и разглядеть в ревом вихре, рожденном их безумием, нечто третье, не принадлежащее ни ему, ни Ангнани, царящее извне и внутри и раздувающее пожар, как раздувает его буря...

...Когда Санти и женщина разъединились, солнце давно вошло. Вина не осталось. Да и оба они внутренним чувством поняли: вина больше не нужно. Они выпили все, что нашлось в комнате. И выпили бы еще, выпили бы даже воду из-под цветов, но все вазы были опрокинуты, а одна разбита вдребезги. Можно было позвать слуг, но любовникам до отвращения не хотелось никого видеть. Даже их собственные обнаженные тела не вызвали никаких чувств, кроме странного ощущения от прилипшего к позвоночнику живота.

Но есть не хотелось. Хотелось только пить. Однако эту жажду можно было и перетерпеть.

Комната была разгромлена. Все, что можно было разбить, разбито. Непонятно, как уцелели те три кувшина с разбавленным соком, что, безусловно, спасли им жизнь. Измятые цветы были разбросаны по ковру, сплошь в мокрых пятнах от пролитого вина, воды, крови и иных человеческих жидкостей. Местами ковер был разодран так, будто его терзали ножом. Ткань,

покрывавшая стены, висела ключьями, оголяя гладкие панели из желтого дерева. Мебель разбита в щепки, подушки выпотрошены. Густой дух из сотни смешавшихся запахов – от аромата благовоний до смрада паленой шерсти – висел в комнате, понемногу слабей.

Санги и Ронзангтондамени разлеглись под большими окнами, чтобы лучи солнца грели их исцарапанные спины. Боли они не чувствовали. Собственные тела казались им бесплотными, но, как губки, впитывающими тепло.

Спустя несколько часов в комнату осторожно заглянул слуга. Заглянул – и сразу исчез за дверью. Но Ронзангтондамени окликнула его и велела принести побольше питья и побольше еды, все равно какой!

Слуга вернулся очень быстро и поставил между ними тяжелый поднос. Молоденький урнгрия выглядел очень смущенным. Но, как догадался Санги, не из-за того, что они голышом разлеглись на полу, а из-за разгрома, учиненного в комнате. Три взбесившихся кугурра не могли бы изуродовать ее больше.

Они ели руками, вкладывая друг другу в рот лучшие куски. Дикарский обычай, но они и чувствовали себя дикарями. Ронзангтондамени была попросту счастлива, а Санги время от времени пытался собрать вялые мысли воедино: его беспокоил Третий – неизвестный участник их любовных игр.

Меньше двух суток прошло с тех пор, как дракон принес Санги и беспамятного Нила в Гнон. Но юноше казалось, будто прошла целая вечность. И полет над Черными горами – давнее прошлое. Такое уже не первый раз случалось с Санги с тех пор, когда его, связанного, вывезли из Фаранга в трюме речного судна.

Любовники пробездельничали весь день и только к вечеру оделись и перешли в другое помещение, чтобы слуги могли заняться комнатой.

Они, обнаженные, провели рядом несколько часов, но ни Санги, ни Ангнани не чувствовали желания. И не удивлялись этому. Слишком сильным было пламя! Лес выгорел, и требовалось время, чтобы вырастить новый. Они ели, пили (только соки и настой трав), обменивались ничем не значащими фразами и прислушивались к тому, что было у них внутри. Так прошел вечер. Ночью Санги и Ангнани уснули. А утром, после того как вызванный лекарь основательно потрудились над их телами, оделись и вышли на террасу – посмотреть на взошедшее солнце.

Биорк, приехавший через три часа после того, как Санги сделал первый глоток вина в комнате Ронзангтондамени, вынужден был довольствоваться лицезрением тела сына в Хранителе Жизни и подробным пересказом Эрда. Рассказ о происшедшем в Закатных горах вагар воспринял сдержанно. Во-первых, потому, что был воином, во-вторых, потому, что заранее приготовился к гибели сына. Так что увидеть его, если не живым, то по крайней мере не мертвым было для вагара даже некоторым облегчением. Почти два часа простоял он подле Хранителя Жизни, но никаких идей не возникло в его мозгу. Ультрамариновое свечение Саркофага странным образом успокаивало сердце. Биорк не стал дожидаться, когда Санги «освободится». Забрав с собой Эрда, он уехал в Шугр, передав через слуг, что вернется спустя три дня.

В Шугре, во дворце Королевы, он во второй раз разделил ложе, вернее, пушистый ковер на пороге опочивальни с Первой из Женщин Урнгура. Ни сам Биорк, ни Королева не придали этому эпизоду особенного значения. Но маленький воин был вполне удовлетворен и собой, и женщиной, а в душе у Королевы остался легкий осадок разочарования. И почему-то – вины.

Прошел еще один день, и ночь укрыла горную долину. То была одна из последних ночей прежнего Урнгура. Люди его еще не знали об этом, но колесница Времени уже зацепила их крылом. Хаор ушел. Значит, нечто Новое должно прийти ему на смену. Никто из тех, кто плыл в тумане сновидений в эту ночь в затерянной меж горными хребтами стране, не знал, не догадывался, даже не предполагал, каким оно будет, Новое. Никто, включая и тех, чьими руками Ему предстояло воплотиться.

III

*«Он рос, как дерево растет, —
Ветвями от ствола.
Он не спешил: «Судьба придет,
Когда стекутся соки в плод.
Когда мой пард отыщется брод...»
И вот она пришла,
Склонилась, будто ночь к утру.
Нет, солнышко, точь-в-точь.
— Возьмешь? — спросил он.
— Мне? Беру!
И надкусила кожуру.
И удалилась прочь».*

Баянлу из Тайдуана

Эрд потерял ладонью рубцы на левой щеке. Зуд давно прошел, но жест остался. Скрестив ноги, светлорожденный сидел на ковре, покрывающем пол просторной комнаты на втором этаже Озерного Дома. Затянутая пленкой рама на окне была сдвинута, и Эрд дышал чистым и прохладным воздухом урнгурского вечера. Эта прохлада и еще свежий дух озерной воды напомнили ему вечера в одном из его (нет, теперь уже – не его) замков на берегу озера Лейр.

«А месяц Цветов, – подумал он, – и здесь такой же, как в моем Элеке!» Запах воды, слабый запах дыма, рыжее вечернее солнце, дальние звуки голосов, гоёры... Только горы Хольда добрее здешних!

На коленях Эрда лежал вынутый из ножен меч. Биорк привез его этим утром – в подарок светлорожденному. Меч был из оружейных кладовых Дома Сирхара, где теперь, по необходимости, обитал вагар. Впрочем, Биорк пользовался любым поводом, чтобы покинуть мрачную башню. И в Шугре вагар тоже не засиживался, хотя сирхару и не подобает без важной причины покидать столицу. Биорк пренебрегал обычаями, которые лишали его свободы. Для властителя – не самое удачное качество. Впрочем, в Гнон вагар приехал не только чтобы развеять одиночество Эрда, но и по делу – обследовать восточные рубежи страны. К положению сирхара он относился своеобразно – как туринг¹.

Меч был прямой, чуть расширяющийся к рукояти, обоюдоострый, с бритвенно отточенным жалом.

Сам клинок – почти черный, со светлым выпуклым узором по всей длине – под косым лучом света отливал красным золотом. На одной стороне его северными вагарскими рунами было выгравировано:

«ПЬЮЩИЙ КРОВЬ»

Эрду не составило труда разобрать надпись – язык вагаров он знал с детства. Светлорожденный провел пальцем по крупной сетке переплетающихся жил. Какими путями попал выкованный Малым Народом меч в Урнгур? Впрочем, судя по написанию рун, Пьющему Кровь не менее трех веков, а быть может, и все пять. Ножны из желтого лакированного дерева распишаны крохотными воинами, выполняющими боевые приемы или сражающимися между собой. Краски потускнели, а лак покрылся еле заметной сеточкой, но нигде не облупился. Снизу

¹ Туринг – верховный военный вождь вагаров, назначавшийся только во время серьезной опасности. День, когда вагары избирали туринга, считался днем Бедствия, а день, когда вождь слагал с себя полномочия, – всеобщим праздником. Биорк был турингом вагаров трижды.

ножны были окованы черным серебром, на котором вычеканен узор, повторявший узор на круглой гарде меча.

Эрд щелкнул ногтем по основанию клинка, и тот отозвался долгим чистым звоном. Да, меч был таков, что Эрд почти перестал тужить об отданном Белом Мече. Пьющий Кровь. Истинный друг воина. Вот, стоило вынуть его из ножен – и сразу заныли мышцы рук. Вскочив на ноги, Эрд отбежал в угол комнаты и трижды пересек ее в стремительном броске «Падающего Дракона». Потом в прыжке выполнил «Стальной Плащ», отошел назад с двойным «Серебряным Конусом» и завершил мощным «Укусом Змеи». Меч был безукоризнен. Он, казалось, опережал желания Эрда. Более легкий, чем клинок из хармшаркова бивня, Пьющий Кровь и двигался чуть быстрее, радуя сердце воина. Когда Эрд сжимал его шершавую рукоять, то снова ощущал в себе огонь жизни.

Час спустя в комнату проскользнул слуга. Увидев блеск стали и услышав пение рассекающего воздух клинка, он из опасения отошел назад.

– Светлейшего приглашают к ужину!

Эрд кивнул, и слуга исчез за дверью.

«Ронзангтондамени благородна, как светлорожденная!» – подумал Эрд, сбрасывая урн-гурскую одежду, чтобы облачиться в белые цвета Асенаров. Собственно, и это белое платье тоже сшито в Урнгуре. Его собственная парадная одежда после битвы в Доме Сирхару не годилась даже на собачью подстилку.

Одевшись, Эрд задумчиво посмотрел на кольчугу: надевать, не надевать? Решил не надевать. А меч к поясу все же прицепил. Даже по имперскому этикету довольно и кинжала, но светлорожденный настолько привык не расставаться с Белым Мечом, что чувствовал неудобство, если ножны не прикасались к бедру.

Упругой бесшумной походкой он стал спускаться по лестнице. Физические силы полностью вернулись к светлорожденному, но в сердце его зияла пустота.

Эрд вошел в пиршественную и поклонился присутствующим.

Санги улыбнулся и, встав, поклонился в ответ. Биорк поднял над головой соединенные руки. Двое мужей Ронзангтондамени, допущенные к трапезе, жеманно хихикнули. Эрд, впрочем, их не замечал.

Ронзангтондамени, величественная, невозмутимая, собственной рукой придвинула ему подушку. Светлорожденный поблагодарил и сел, хотя предпочел бы стул. Совместный обед за низким столом – знак особой любви Женщины Гнона.

Эрд посмотрел на нее сбоку. Ее властное, исполненное достоинства лицо нравилось светлорожденному. Черты лица Женщины за эти два дня вновь округлились, хотя две розовые дуги – след укуса – на смуглой щеке несколько умаляли ее величие.

Женщина Гнона шевельнула рукой – и слуги подали еду. Только после третьего блюда Ронзангтондамени позволила себе задать вопрос:

– Удалось ли сирхару увидеть то, что он желал?

– О да! – отозвался Биорк. – Но границы Урнгурса – такие же границы, как солдаты его – войско!

– Разве мои всадники – плохие воины? – надменно произнесла Женщина Гнона.

– Твои всадники – еще куда ни шло. – Вагар отсек ножом ломтик баранины и, окунув в красный жгучий соус, отправил в рот. – Но и они – не так уж хороши. А уж хогры Королевы!.. Если не считать хогранов и их помощников – просто сброд, который машет мечами, как дубинами, и не может с десяти шагов попасть из арбалета в дохлую овцу!

– Их посылают Женщины Селений, – заметила Ронзангтондамени. – А кто же отдаст хорошего мужчину? Те, от кого я хочу избавиться, могут стать жрецами Хаора, а те, кто не годится даже в жрецы, – идут в солдаты. Но, по-моему, это дело хогранов – научить их пользоваться оружием!

– Не похоже, чтобы сами хограны считали так же! – отозвался Биорк, запивая вином еще один кусочек мяса. – Безногий и слепой ветеран из Хольда в минуту прикончит любого из ваших солдат!

– Урнгуру не нужна сильная армия! – возразила Женщина Гнона. – Сила Хаора оберегает нас! Странно, что я говорю подобное тебе, сирхар!

– Боюсь, что мне, как сирхару, больше придется уповать на силу войска, – Биорк протянул слуге опустевший кубок, чтобы тот наполнил его. – И клянусь Рогами Тура, покровителя моего сына... – и осекся.

– Полагаешь, достойный Биорк, что сможешь что-то сделать из здешнего люда? – спросил светлорожденный, тактично отвлекая вагара от мысли о сыне.

– Я полагаю, что прежде всего я отошлю половину вояк назад в селения, а нехватку восполню за счет наиболее толковых из жрецов! Можно сделать войско даже из крыс, если знать, как это делается.

– Женщинам Селений не понравится, – Ронзангтондамени вежливо улыбнулась, – если войско Королевы станет слишком сильным. И они могут не пожелать взять назад своих мужчин.

– Если войско Королевы будет достаточно сильным, ей не важно будет, что нравится, а что не нравится Женщинам Селений.

– Именно это я и имела в виду! – Ронзангтондамени взглянула на Санти. Юноша вяло жевал ножку ящерицы. За разговором он не следил, погруженный в собственные мысли.

– Твое желание, сирхар, – это желание Королевы? – поинтересовалась Женщина Гнона.

– Не могу поклясться, – сказал вагар. – Но не думаю, что она будет против!

– Боюсь, сирхар, ты не вполне понимаешь, что такое Женщины Урнгура, – заметила Ронзангтондамени.

– Зато я кое-что понимаю в воинском деле! – заявил вагар. – Пока ваша армия – сброд, но они послушны, хорошо чувствуют друг друга и, как показывает пример их хогранов, могут вполне прилично овладеть оружием. Правда, ноги у них слабоваты и самостоятельности – на лапку лягушки, но, если их посадить на пардов и вдолбить в головы пару простых правил – они будут не хуже прочих. Однако хороший совет и помощь опытного воина мне пришлось бы кстати. Что скажешь, светлейший?

– Жаль, что с нами нет твоего сына, – Эрд бросил взгляд в сторону стоявшего на возвышении Саркофага. Он забыл о собственном решении щадить чувства Биорка.

– Жаль. – Вагар тоже посмотрел на Хранителя Жизни, в котором, невесомое в светящейся субстанции, плавало тело Нила. Ум Биорка, ум полководца, умевшего предвидеть будущее на дюжину ходов противника, не принимал двойственности. Строй мыслей бывшего туринга был столь непохож на мышление большинства вагаров, что Биорку легче было находить общий язык с людьми. Что же касается сына: если Нил не умер – значит, он жив. И останется живым для своего отца!

– Светлейший, – вагар сделал еще одну попытку подступить к Эрду. – А что сам ты собираешься делать?

Светлорожденный пожал плечами.

– Мне все равно, – произнес он, все еще глядя на тело Нила. – Но... – Эрд посмотрел на вагара, – ...меч теперь у него... – Кивок в сторону задумавшегося Санти. – И с ним – мой долг Асенара!

– Сантан, брат! – позвал вагар.

Юноша повернулся к нему, встряхнул волосами, будто отгоняя навязчивые мысли:

– Да, Биорк? – Лицо его все еще выглядело изможденным, зеленые блестящие глаза запали, даже шея казалась тоньше, чем несколько дней назад.

– Скажи мне, что ты намерен делать дальше?

– Я? – Юноша улыбнулся, и эта улыбка будто осветила изнутри исхудавшее лицо. – Мне нужно кое-что понять, Биорк. И кое-что увидеть. Я полагаю, что на сезон-другой останусь здесь, в этом доме, – Ронзангтондамени опустила лицо, чтобы скрыть свои чувства. – А потом, вероятно, вернусь в Фаранг. Мне ведь надо отыскать отца, Биорк! Впрочем, кажется мне, что моей судьбой распорядятся помимо моего желания.

– Да, – задумчиво сказал Биорк, – совета от вас не дождешься! Но мне ясно одно: с этой обезбожившейся страной надо что-то делать, пока ее окончательно не поглотила Тьма!

– Хурида? – спросил Эрд.

– Может, и Хурида! Но скорее всего – Алчущие Силы. Даже я чувствую, насколько эта земля пропитана магией!

– Еще бы, – кивнул светлорожденный. – Народ, питавший собственного бога! Алчущие Силы слетятся сюда, как медовницы – на кусок сахара!

– Вы напрасно тревожитесь, чужеземцы, – высокомерно произнесла Ронзангтондамени. – Мы сумеем уберечь Урнгур от чужой магии и без мощи Хаора! Я опасюсь не того, что извне, а того, что внутри! Знаешь ли ты, сирхар, что в нашей стране ежедневно приносили Хаору не меньше десяти сотен мужчин?

– Варвары... – пробормотал Эрд, но Женщина Гнона сделала вид, что не услышала его реплики.

– Теперь Хаора нет, и некому взять на себя этот груз. Без доброго и сильного бога, боюсь, нашей земле придется нелегко.

Санги вспомнил огромную тень, накрывшую его там, в Закатных горах, и вдруг увидел гигантскую фигуру бога, шагнувшего через бездонную пропасть. Увидел темно-красное кольцо Силы, о которую разбилась белая молния-трезубец... Хаор! Что-то неуловимо-знакомое было в этой чудовищной фигуре... «Махд-Шагош...» – всплыло в сознании. Словно кто-то чужой нашептал на ухо. «Урнгур-р... Хаор-р... Махт-Шагош... Повелитель...»

Санги вздрогнул.

– Почему бы вам не взять в покровители Потрясателя Тверди? – предложил он, отгоняя чужой голос. – В конце концов, именно этот бог, насколько я разглядел, лишил вас покровителя! И, – окончательно изгоняя «чужака», – я этому только рад! Дай им Потрясателя, Биорк! Если он хорош для всех народов империи, он будет неплох и для вас, Ронзангтондамени!

– А он будет принимать в себя лишних мужчин? – напрямик спросила Женщина Гнона.

– Нет! – в один голос воскликнули Эрд и Биорк.

– Если вы посмеете принести Потрясателю Тверди человеческие жертвы – гнев его падет на вас! И гнев Империи тоже! – предупредил светлорожденный.

– Я думаю, бог способен сам позаботиться о себе, – заметил Биорк. – А нужен ли вообще бог-покровитель? Мы, вагары, отлично обходились и обходимся без него, хвала Неизъяснимому!

– Ты – сирхар! – произнесла Ронзангтондамени. – Тебе решать! Тебе и Королеве!

– Мне! – согласился Биорк и поскреб ногтями отросшую бородку. – Но мне очень не хочется убивать людей просто так.

– В конце концов, они только мужчины, – безразлично промолвила Женщина Гнона. – Притом – бесполезные мужчины.

– Мы тоже мужчины, – заметил Биорк. – За этим столом только ты – женщина.

– Разумеется, я не имею в виду тех, кто в моем доме! – сердито сказала Ронзангтондамени. – Но запомни, сирхар: в Урнгуре только мы, Женщины, значимы! А мужчины – как земля, по которой мы ходим, или как колосья, растущие на поле! Я родила не меньше двух дюжин мальчиков. И любая из нас может, если захочет, нарожать четверть хогры мужчин! Ты – сирхар Урнгурского, а не империи! Впрочем, я мало знаю о вашей стране, – добавила она и знаком приказала слугам убирать со стола.

– Почему бы тебе, достойный, не сколотить приличную штурмовую армию, раз ты все равно собираешься делать из них солдат? – предложил Эрд. – Вооружи войско и поведи его на Хуриду, например. Грибоедам взбучка только на пользу!

– В этом что-то есть, – проговорил Биорк. – А часть можно продать в Гурам или Эдзам. Когда я был там последний раз, у эззаков были серьезные разногласия с бур-чаданну.

– Фу! – сделал гримасу светлорожденный. – Продать! Биорк!

– Я не имел в виду – в рабство, – уточнил вагар. – Продать, но не как рабов – как воинов! Только вот воины из них пока... – Он скривил губы. – Здесь есть неплохие ребята, но как раз их-то я предпочел бы оставить! А остальным – разве что с крестьянами на палках драться! Три сотни конгских всадников разгонят все королевские хогры!

– Биорк! – вдруг оживился Эрд. – Давай нападём на Конг!

– На кого? – Биорк расхохотался. – Лучше попросту скинуть этих ребят с обрыва! Да во всем Урнгуре не найдется и трех тысяч, которые даже после двухсезонной муштры смогут скрестить меч с конгьями!

– Довольно и трех тысяч! – воскликнул Эрд. – Конг! Свора проклятых богами вырождков правит богатейшими землями Мира! Это же бочка с огненным зельем! Подожги ее, туринг!

– Демон тебя сожри, Эрд Асенар! – зарычал вагар. – Не называй меня турингом!

– Прости! Мы свалимся на них сверху, как гром! Как смерч!

– Мне не нравятся твои слова, Эрд! – сказал до сего времени молчавший Санти.

Эрд удивленно воззрился на него.

– Конг – моя родина! – произнес юноша очень серьезно. – Как бы тебе понравилось, предложи я напасть на Хольд?

– Брат! – сердечно сказал светлорожденный. – Я не хотел тебя оскорбить!

– Он имел в виду, – быстро произнес Биорк, – что неплохо было бы помочь Конгу избавиться от красноглазых пиявок! Допустим, их действительно дали вам боги. В наказание. Но ты видел богов, верно? И теперь знаешь, что и от людей кое-что зависит. Как сказано в вашей легенде? «Придет время, и проснется дракон». Да?

– Сказано: «Настанет день, когда чаша переполнится и страдания конгаев прольются на землю благословенного Конга. И смешаются с древней пролитой кровью, и вскипит эта кровь, и содрогнется твердь, и падут горы. И восстанет от сна повелитель-дракон».

– Именно! – воскликнул Эрд. – Твердь содрогнулась! Разве нет? Сколько еще пожирателям человечины править вами? Магхары не должны повелевать людьми! А соххоггой хуже магхаров.

Санти пристально посмотрел на него и медленно, чужим холодным голосом произнес:

– Да... Соххоггой не созданы – править. Они созданы – убивать.

Что-то произошло. словно температура в комнате вдруг упала и повеяло стужей.

Ронзангтондомени до боли прикусила губу. Что-то внутри нее зашевелилось, откликнувшись на слова Санти. На слова и голос.

– Да, да... – чуть слышно проговорила она. – Убивать, но не править...

Биорк, чей слух был лучше, чем у остальных, бросил на Женщину Гнона удивленный взгляд.

– Прольется кровь, – сказал Санти. – Много крови. И то будет не одна лишь кровь соххогоев.

– Разве мало ее проливается сейчас? – с жаром воскликнул Эрд. – За кровь соххогоев мы заплатим кровью урнгрия. Если им, по закону этой страны, нужно умереть, пусть умрут за доброе дело! Клянусь Рогами Тура, брат! Мы освободим твою страну от паразитов – и все! Я уверен: нужно только начать. И народ Конга поймет: время пришло. Две-три тысячи урнгуцев могут подтолкнуть лавину, но не смогут захватить Конг с его пятидесятитысячной регулярной армией!

«Может, он прав?» – подумал Санти.

– Свобода, брат Санти, – вот то, что нужно твоей стране! Вспомни о своем отце! Подумай: если за тобой будет сила, насколько легче станет его искать. Подумай, Санти! – напирал светлорожденный. – Если мы сделаем это, в твоей стране больше не будут пропадать люди. И никого уже не будут ссылать на Юг за одно лишь упоминание о красноглазых. Разве за такое не стоит немного позвенеть мечами? – Он засмеялся.

Санти давно уже не видел Эрда в таком отличном настроении.

Вагар, все это время пристально наблюдавший за светлорожденным, казалось, о чем-то догадался, но предпочел оставить свою догадку при себе. И перевел разговор на другое.

– Эрд, – заметил он. – Мне надо избавиться от худших, а не найти применение лучшим. Как сирхар я должен сделать Урнгур сильной и воинственной державой. С чем я останусь, если все лучшие – уйдут?

– Оставь! – махнул рукой светлорожденный. – Худшие пусть работают. В конце концов, не мужчины рожают детей. Что здесь, что в империи! Они прокормят себя! Тебе надо избавиться от трех тысяч? Так пусть то будут самые воинственные! Какая разница? Тысячи лет Урнгур был никому не нужен! С какой стати кто-то позарится на него сейчас?

Биорк собрался возразить, но его неожиданно опередил Санти.

– Я согласен!

Одно мгновение понадобилось вагару, чтобы понять, почему вдруг юноша встал на сторону светлорожденного.

«Неплохо, мальчик! – подумал Биорк. – Ты быстро ухватил парда за челюсть! Если я уведу самых воинственных – вряд ли оставшиеся выберут войну своим ремеслом. А ведь это так и напрашивается, если на одну женщину приходится больше десятка мужчин. Спасибо Хаору, который держал их в собственных пределах! Иначе они и до Белой Тверди добрались бы, эти горцы! О демон!»

До вагара только сейчас начало доходить, какой клубок разрубили они ударом меча.

– Решено! – сказал Биорк. – Я отберу три тысячи воинов и поведу их в Конг. Но предупреждаю: только богам известно, что из этого выйдет!

– Да! – воскликнул Эрд.

– Да, – задумчиво проговорил Санти.

Ронзангтондамени не сказала ничего. Она смотрела на Санти и пыталась разглядеть, что же такое кроется под обликом столь дорогого ей зеленоглазого мальчика? Что-то такое, от чего ей, гордой Женщине Урнгура, хочется пасть к его ногам... И совсем не от любви.

– Хватит ли у тебя оружия, чтобы вооружить их всех? – спросил Эрд.

– Не сомневайся! – уверил его сирхар Урнгура. – Я мог бы вооружить и тридцать тысяч! За эти столетия Урнгур скопил чуток боевого железа! Как тебе твой меч, например?

– Клинок, который жаждет сражаться! – произнес светлорожденный с воодушевлением.

– Я не воин, – обеспокоенно проговорил Санти, – но мне кажется, что трех тысяч будет довольно...

– Не тревожься, брат! – уверил его Биорк. – Их будет не больше трех тысяч. Для Конга – пустяки! И для Урнгура – довольно! Если никто из них не вернется назад...

– Ты готов поручиться, что ни один из них не придет обратно? – спросила Королева.

– Уверен! – твердо ответил Биорк. – Те, кто останется в живых... Я найду им работу. Мир – он большой.

– А ты сам? – стараясь скрыть беспокойство, спросила Королева. – Сам ты вернешься?

– Разве я могу тебя забыть? – улыбнулся Биорк.

– Я говорю не о себе! Урнгуру нужен сирхар!

– Да, вернусь!

– Тогда и я готова поддержать тебя! – решительно сказала Королева.– Но многим из сестер это не понравится!

– Я справлюсь,– спокойно сказал Биорк.– Мне важно твое слово: ты – Королева!

IV

«Многие мудрые задавали себе вопрос: куда ушла магия Махд-Шагош? Что осталось от народов ее после Эпохи Перемен? Пожалуй, в точности это известно только богам да, может быть, фьёльнам, встречавшимся с Повелителями Махд-Шагош в Ушедшие Тысячелетия. Мы же – потомки тех, которые никогда не были рабами Великих и Сильных, Владычествующих над Миром, и я не устаю возносить благодарственные молитвы Неизъяснимому за эту милость.

Однако что же мы знаем о наследниках Махд-Шагош? Первыми я не колеблясь назвал бы соххогогов Конга. И это – одна из причин, по которой я благодарю Небеса за то, что разрушена власть Махд-Шагош. Вторыми следовало бы назвать омбамту, ибо мудрым ведомо, что это отвратительное племя выведено Великими и Сильными для своих нужд, как нынче выводят новые породы домашних животных. Третьими многие склонны назвать ургурцев, но я не могу ни согласиться с этим, ни отрицать. Что мы знаем об Ургуре? Ничего. И, наконец, Южная часть Черной Тверди, наиболее приближенная к затонувшей материке, та, что в Конге именуется "Гибельный Лес". Многие говорят: магия Махд-Шагош обитает именно там. И вот уже сотни лет Алчущие Силы ищут в Гибельном Лесу то, что составляло мощь повелевавших Миром до Эпохи Перемен. Но пока если что и находят на Юге темные чародеи – так это собственную смерть. Легенда же говорит: последний Властитель Махд-Шагош вложил свою силу в некое яйцо и заключил его в сердце черного демона, придав тому облик мирного дракона. А демона сего сковал и оплел собственной силой посланник Неизъяснимого, величайший маг Эпохи Перемен, чье имя утеряно. Легенду эту рассказал мне Трой-Странник, чья мудрость известна. Еще говорят, что часть магии Ушедших Тысячелетий перешла к фьёльнам, но мне это представляется сомнительным, как и предположение, касающееся Гибельного Леса. Однако, как и в первом случае, эта идея не осталась без внимания Алчущих Силы, многие из которых, невзирая на страх перед могуществом фьёльнов, обосновались в Тайдуане, неподалеку от Каменного Кольца Фьёльнов, Заповедных гор, за которыми лежит их волшебная страна...»

Готар Глорианский.

Божественное и человеческое

Свет был желтым, как жидкое золото. Потому и края оправленной в серебро хрустальной чаши светились, словно горизонт за полчаса до восхода. Старушечья рука, темная, с узловатыми пальцами, метнула в разгорающуюся жидкость щепоть толченого угля. Черная пыль рассыпалась по поверхности, и содержимое чаши на миг обрело металлический блеск. Но не больше, чем на миг. Угольный порошок бесследно исчез, оставив жидкость в чаше незамутненной.

– Слаба твоя воля! – с укором произнесла старуха, не оборачиваясь.

Человек за ее спиной стоял, подняв руки и откинув назад узкую голову с седыми длинными волосами. Указательные и большие пальцы его рук были соединены кольцом, остальные – полусогнуты и сведены вместе. Костистое длинное лицо с раздувшимися ноздрями, темными щелочками глаз и губами, сжатыми в почти невидимую нить, выражало именно то, в отсутствии чего обвинила человека старуха.

– Ну, еще разок! – между тем пробормотала ворожея, низко наклонилась над чашей и снова метнула угольную пыль.

И опять поверхность жидкости лишь на долю мгновения сверкнула металлом.

– Не успеваю! – проворчала старуха, вытирая пальцы грязным платком.– Никому не успеть! – И оборотясь: – Возьми свои деньги, маг, и убирайся!

Голова седого резко дернулась. Щелочки меж подсиненными веками расширились. Глаза у него были черные и тусклые, как тот уголь, что еще оставался в ступке.

– Не говори со мной так! – процедил он, с хрустом разгибая пальцы.

– Прости, забылась,– равнодушно отозвалась старуха.

По ней было видно, как она устала.

– А мне сказали, ты лучшая из здешних ворожей! – Маг четко выговаривал слова. Как человек, недавно выучивший язык.

Старуха захихикала и опустила грузное тело на стопку грязных циновок слева от стола.

– Великая сила стоит за мной! – предупредил маг.– Бойся ослушаться меня!

– Уже дрожу! – фыркнула ворожея.– Коли так, зачем ко мне пришел?

– Довольно мне пожелать – и ты обратишься в прах, старуха! – гневно прошипел маг.

– Для этого хватит крепкой дубинки.– Ворожея не испугалась. Слишком часто ей угрожали.– Конечно... – добавила она, как бы между прочим.– Что могучему магу проклятие какой-то женщины?

– Ничто! – сказал, как сплюнул, седой и пинком распахнул дверь, впустив в хижину запах моря и теплую звездную ночь.

Соединив вместе полы длинного плаща, маг сбежал по деревянной шаткой лестнице и зашагал прочь. Поступь его была легка и упруга, как у юноши.

– Кабы ты сумел удержать зеркало...– запоздало крикнула его удаляющейся тени старуха.

Маг не обернулся. Он спускался по тропе, по обе стороны которой, выше человеческого роста, поднимались заросли кустарника калы, источавшие пряный сладкий аромат увядающих соцветий.

Маг шел очень быстро. Время от времени из-за отворота длинного плаща змеей выныривала длинная рука, отбрасывая мешающую ветку. Бледные лучи луны освещали острую верхушку капюшона.

Когда маг удалился от хижины шагов на триста, две кряжистые фигуры вдруг возникли из темноты и остановились, преграждая путь.

Безмолвные, они ждали, пока идущий приблизится, а потом разом вскинули толстые дубинки и шагнули вперед. Их широкие тела казались слишком велики для узкой тропки.

Рука седого выскользнула из-под плаща и стремительно начертала в воздухе знак. Синие искры вылетели из удлинившихся пальцев и осыпали двоих. И оба беззвучно повалились навзничь. Тяжелые тела со слившимся в один звуком ударились о твердую землю.

Маг, не удосужившись перешагнуть, наступил на живот одного, на голову другого и двинулся дальше, не оглядываясь, пока не оказался на краю маленького обрывчика над песчаным берегом.

Здесь, застыв на неподвижной спокойной воде, ждала его узкобокая юбка ².

Маг спрыгнул вниз, и ноги его по щиколотку погрузились в рыхлый песок, сразу набившийся в туфли. Он выругался шепотом и, увязая в песке, пошел к воде.

– Господин! – Над темным бортом юбки возник силуэт человека.

Не отвечая, маг сильно оттолкнулся от мокрого песка, наступив на край едва шевелящегося прибоя, и длинным прыжком перемахнул на нос парусника. Доски жалобно скрипнули под его тяжестью.

Человек, что окликал его, уже взялся за линь. Заскрежетал металл: второй матрос поднял якорь. Светлый треугольник грота повис на мачте.

² Юбка – небольшой парусник.

Человек, поднявший якорь, оттолкнулся длинным веслом от песчаного волнистого дна. И сразу подул ветер. Косой парус напрягся, юбка повернула и, набирая ход, устремилась в открытое море раньше, чем второй моряк закрепил опущенный шверт. За кормой тянулся мерцающий искрами след.

Зал Мудрости во дворце Королевы был раза в четыре меньше Пиршественного Зала. И здесь не было столов. Высокие кресла, обитые зеленой парчой, с резными, инкрустированными гранатами спинками. Алые гранаты пылали на черном лакированном дереве, как капли кровавой росы. Кресла располагались полукругом в два яруса, и всего их насчитывалось около пятидесяти в каждом ряду. Первый ряд был почти полон. Все Женщины Селений Урнгура приняли приглашение Королевы. Они прибыли бы, впрочем, и без приглашения: слишком важен сегодняшний Совет. Второй ряд кресел пустовал, лишь одно занято: в нем, за спиной Женщины Гнона, расположился Санти. Кроме Ронзангтондамени ни одна из Женщин Селений не привела с собой мужчину, и потому на Женщину Гнона поглядывали с удивлением. Впрочем, Санти не был единственным мужчиной в Зале Урнгура. Слева от Королевского Трона, что стоял на возвышении, напротив полукруга кресел, опустив ноги на специально для него принесенную подставку с атласной алой подушкой, расположился Биорк. Сидя на просторном Троне Сирхара, вагар чувствовал себя вполне непринужденно. Санти подмигнул ему из-за спины Ронзангтондамени. Биорк приосанился – распрямился, звякнув металлом. Он был в великолепных доспехах из Дома Сирхара, желтый бархатный плащ, отороченный белоснежным мехом белого кугурра, прибавлял ему стати. Сапоги на высоком каблуке украшены несколькими драгоценными пряжками и бисерной вышивкой – непременно украшением любой урнгульской обуви. С шеи сияющей каплей на золотой цепи опускался на грудь кулон – огромный ограненный алмаз. Широкий пояс, к которому был прикреплен меч, усыпали самоцветы. Фибулу, скреплявшую края плаща, также украшал алмаз, окруженный колечком из небольших рубинов. Маленький воин равнодушно относился к роскоши, но был очень внимателен к советам. Не зря! Его наряд произвел впечатление на Женщин Урнгура. Рядом с ним даже платье Королевы казалось скромным.

Королева обвела взглядом полукруг сосредоточенных лиц.

– Сестры! – произнесла она почти нараспев, и звук ее голоса наполнил зал. – Сестры! Многое произошло с тех пор, как я в последний раз видела всех вас вместе!

Биорк, сложив руки на груди, озирает лепной плафон Зала Урнгура. Когда Королева начала говорить, он опустил взгляд и принялся изучать мозаичный пол.

– Многое произошло на нашей земле! – продолжала Властительница Шугра. – И многое произойдет! Пришло время перемены, сестры!

Она сделала паузу, и в наступившей тишине вдруг раздался резкий голос одной из Женщин:

– Перемены, Гилли? Земля Урнгура не нуждается в переменах! И ты, сестра, должна позаботиться об этом!

– Кто это? – тихо спросил Санти.

– Хлонгатугеранрани! – шепотом ответила Женщина Гнона. – Селение Хус. Она сильна!

– Я догадался.

– Гату, сестра, – спокойно сказала Королева. – Я лучше знаю, что надо Урнгуру!

Ропот пробежал по залу. Женщины зашевелились. Заявление Королевы им явно не понравилось.

– Она поспешила! – сказала Ронзангтондамени Санти. – Или уже поговорила кое с кем...

– Гилли права! – перекрывая шум, воскликнула одна из участниц совета.

– Иллангсотмараони! – Женщина Гнона усмехнулась. – Ее селение на юге. Совсем крохотное!

Восклицание Женщины южного селения прорвало плотину. Ропот мгновенно вырос до возмущенного гула.

Королева молчала, величественная и невозмутимая.

Биорк глядел в пол.

Спустя некоторое время шум начал стихать. Но Королева не успела воспользоваться тишиной. Женщина Хуса опередила ее.

– Никто в Урнгуре не указывает нам, Женщинам Селений! – резко сказала она. И одобрителный гул стал эхом ее слов. – Ты, Королева, должна волей Хаора блюсти наши желания! И ты не смеешь говорить, что правишь нами, Гилли! Повелевай своими мужчинами!

Биорк медленно поднял голову и уставился на Женщину Хуса тяжелым взглядом.

– Королева правит! – сказал он на конгайском, потому что еще недостаточно хорошо владел языком урнгрия. – Она правит и будет править, а кому это не по вкусу – может удалиться за предела Урнгура!

Смуглое красивое лицо Женщины Хуса обезобразила ярость. Она жадно глотнула воздух, как выброшенная на песок рыба. Биорк сидел с невозмутимым видом, поглаживая эфес меча.

Женщина Хуса пришла в себя. Ее взгляд уперся в непроницаемое лицо Биорка.

– Она раздавит его! – с беспокойством проговорила Ронзангтондамени.

– Кого? Биорка? – Санти похлопал ее по руке. – Он же вагар! Магия для него – как щекотка!

На лбу Хлонгатугеранрани выступили капельки влаги. Она поднялась с кресла, и еще шестеро Женщин Урнгура тоже встали и полукругом обступили Хозяйку Хуса. Биорк закинул ногу на ногу, насмешливо улыбнулся и пошевелил острым носком сапога. Теперь уже лица семерых женщин блестели от пота. Но все их усилия ни к чему не привели.

Королева позволила себе улыбнуться.

– Не обычаи ли Урнгура велят вам, сестры, бороться с сирхаром? – осведомилась она.

– Урнгуру не нужен такой сирхар! – хрипло проговорила Хлонгатугеранрани.

– Это уж мне судить, сестра, какой сирхар нужен Урнгуру! – отчеканила Королева. И повелительно: – Займи свое место!

Взгляды Королевы и Женщины Хуса встретились... и Хлонгатугеранрани осталась стоять. Королева ничего не могла поделать с ней!

– Ты говоришь, Гилли, но я не желаю слушать! – заявила Женщина Хуса. – Я уйду отсюда, и те, кто почитает древние законы, уйдут со мной! – Вновь гул одобрения поддержал сказанное. – Мы уйдем! И Хаор позаботится, Гилли, чтобы древний закон настиг тебя, когда ты останешься одна в своем Шугре! – Злорадные нотки появились в ее голосе. – Хаор позаботится и о том, чтобы у нас был новый сирхар! – Она победно посмотрела на Биорка. – И новая Королева, если понадобится!

Выложив все это, Женщина Хуса развернулась и направилась к выходу. И почти все Женщины Селений поднялись со своих мест, чтобы последовать за ней. Королева проиграла.

– Она проиграла! – сказала оставшаяся сидеть Ронзангтондамени.

– Посмотрим... – Санти не сводил глаз с вагара. Он догадывался, кто сочинял сегодняшнюю пьесу.

Маленький воин позволил Хлонгатугеранрани сделать ровно три шага. А потом, соскочив со своего трона, преградил ей дорогу.

Крылатый шлем сирхара был не выше плеча Женщины Хуса, но осанка Биорка выражала такую уверенность, что Хлонгатугеранрани остановилась, едва ли не вопреки собственной воле.

– Что нужно? – надменно бросила она.

– Останешься здесь! – так же грубо ответил вагар. – Твоя Королева не отпускала тебя!

– Прочь! – гневно воскликнула Женщина Хуса. – Ни один...

Но, шагнув вперед, замерла на месте: меч вагара с лязгом вырвался из ножен. Отполированный клинок отразил луч, падающий из овального окна.

Лицо Хлонгатугеранрани посерело, когда жало меча метнулось к ее глазам.

– Ни один мужчина не посмеет коснуться Женщины Урнгура! – прошептала она пересохшими губами.

Ее сторонницы обступили маленького воина плотной стеной.

– Я посмею! – пообещал вагар. – Конечно, я не убью тебя. Я не убиваю женщин. Но мое стальное перо напишет на этих коричневых щечках твое пространное имя. И титул, если останется место! – Он засмеялся, и смех его был так похож на смех Нила, что Санти вздрогнул.

Клинок вагара запел свою песню и окутал маленького воина сверкающим облаком. Меч никого не задел, но обступившие Биорка женщины отшатнулись назад: тысячу лет никто не угрожал им оружием. Тысячу лет их телохранителям не было нужды оберегать своих владычиц от стали.

Биорк повернулся на месте, и вокруг него сразу стало свободно. Только Хлонгатугеранрани не сдвинулась. Она бесстрашно смотрела на поющую сталь, хотя сердце ее упало. Женщины Урнгура любят свое тело! При мысли о том, что холодное железо может сделать с ним, Женщине Хуса стало очень нехорошо. Но Хлонгатугеранрани не отступит перед мужчиной!

– Я плохо говорю на урнгрия! – сказал сирхар. – Но каждая из вас, я уверен, поймет мою речь!

Он внезапно остановил клинок и коснулся острием ямки под горлом Женщины Хуса.

– Займи свое место! – приказал он и уколол ее жалом клинка.

Хлонгатугеранрани невольно отступила. Но меч по-прежнему больно упирался в кожу. Она сделала шаг, еще, еще... и плюхнулась в свое кресло.

– Благодарю, сирхар, – сухо произнесла Королева. – Сестры! Я прошу вас: сядьте!

Женщины колебались, но Биорк сделал шаг, и все они, чтобы избежать унижения, поспешили к своим местам.

Хлонгатугеранрани потерла пальцем крохотную вмятинку. Как и рассчитывал Биорк, Женщины Урнгура не привыкли к откровенному физическому насилию.

Но они не сдались!

Едва Биорк занял свое место, Хлонгатугеранрани вскочила. На лице ее было написано: умру, но не отступлю! Но разве он, Биорк, хотел ее убить? Наоборот, он любил именно таких, как она!

А Женщина Хуса уже вскинула вверх сильные руки.

– Ош! Хаор! Мах даот шур, Хаор! – воскликнула она.

Санти содрогнулся. Ледяной холод пронзил его до костей, а тело вдруг стало легким, как крылышко медовницы. Ронзангтондамени в волнении крепко сжала его руку, но юноша даже не почувствовал.

– Ош! Хаор! Хур нахт отта махнх!

Санти перестал чувствовать свое тело. Он стал вихрем, ледяным вихрем, несущим смерть.

Он знал, чьим именем выкликали сейчас поверженного бога. ЕГО ИМЕНЕМ!

– Ош Хаор...

Лицо Королевы окаменело от звуков гортанной, жесткой, как песок в горле, речи. Хлонгатугеранрани взывала к Хаору Гневному и Разрушающему! То было великое Заклинание Силы Гнева, которым владели все Женщины Урнгура! Но уже много-много веков никто не осмеливался произнести его вслух.

Королева испуганно оглянулась на Биорка, забыв от волнения, что нынешний ее сирхар – не тень Хаора.

Вагар был спокоен. Он взирал на колдовство с невозмутимостью зрителя, следящего за театральным представлением.

Владычица Шугра немного успокоилась. Она – но не Женщины Селений.

С первых же слов Женщины Хуса они повскакали с мест. И застыли. Никто не смеет прервать Заклинание Силы Гнева, пока не свершится воля Хаора!

Звуки падали один за другим, и, казалось, свет мерк в зале и тьма застилала овальные окна.

Смерч рвался на свободу. Санти уже видел, как незримая сила срезает мраморные колонны, как трескается, рассыпаясь, тяжелый свод и обломки его летят вниз, на головы людей. Пронзительные, тут же оборвавшиеся вопли, белая мучная пыль, клубами поднимающаяся вверх...

Но тут иллюзия развеялась, и перед Санти снова был Зал Мудрости. Неповрежденные колонны, замершие женщины и спокойное лицо вагара. Санти снова стал собой. Он победил... Что?

Санти покосился на свою руку, легшую на навершие Белого Клинка. Потом, уже совсем спокойно, – на Женщину Хуса. Та продолжала выкликать древние слова, но теперь это были только слова, не более. Просто звук...

Хлонгатугеранрани завершила Заклинание и замерла с воздетыми к потолку руками. Ни кровинки не было в ее лице. И мертвая тишина висела вокруг. Никто из замерших Женщин не ведал, как и в каком обличье явится Великий Хаор. Знали только: бог явится, чтобы разить.

Тишина была плотной, как грозовые облака. Рука Женщины Гнона до боли сжимала пальцы Санти.

– Не бойся, – сказал ей юноша, которому вдруг стало легко и весело. – Он не придет. Хаора больше нет.

И в тишине замершего зала негромкие слова Санти прозвучали как раскат грома! Их слышали все. И лица Женщин Селений, на которых уже лежала печать грядущего Хаоса, немедленно обратились к нему. И сила их обрушилась на юношу, как огненный вихрь.

Ронзангтондамени попыталась заслонить его, но соединенная воля Женщин Селений, питаемая гневом неминуемой расплаты, смела ее силу, как грязевой поток – хижину рудокопа.

Санти вновь коснулся Белого Меча, и волна прошла над его головой, разбившись о стену зала.

Он поднялся.

– Его больше нет, – повторил Санти мягким, глубоким голосом певца. – Не нужно взывать к нему, женщина! Тебе придется искать нового бога, чтобы обращать к нему лицо! Всем вам придется искать нового бога, потому что ваша Королева сказала правду: прежнего больше нет, и пришло время перемены! Будьте же готовы с достоинством принять это!

И опустил на место.

– Свидетельствую слова этого мужчины! – медленно, веско произнесла Королева. – Хаора больше нет! – И обернувшись к Биорку: – Сирхар! Твой долг – не оставить нас без покровителя! – И снова – Женщинам: – Сестры! Примем будущее, как подобает! Я клянусь вам памятью тех, кто возвел этот дворец: земля наша устоит и власть ваша останется с вами!

«Та, что останется!» – мысленно добавил Биорк.

Женщины молчали, потрясенные. Некоторые все еще стояли на ногах, другие опустились в кресла. Никто не имел ни сил, ни желания возражать. А потом Хлонгатугеранрани покачнулась и начала медленно падать лицом вниз, на мозаичный пол.

Биорк бросился к ней, подхватил, без труда удержав большое тело Женщины Хуса, и опустил ее в кресло.

– Во всякой тьме есть капля света, Гату! – прошептал он на ухо женщине. Но та не услышала.

V

«Моя дочь как-то спросила меня: почему Белая Твердь называется Белой, Красная – Красной, а Черная – Черной? Я же мог ей сказать только, что имена эти пришли к нам из глубокой древности. Что Белая Твердь называлась так потому, что до Эпохи Перемен половина материка была круглый год покрыта льдом, Красная Твердь получила имя из-за цвета своих гор и трав, а что касается Черной Земли, то мне это неизвестно».

Сигвар Гурский. Описание земель

– Вот он летит! – сказал Баразан. – Все, как ты говорил, хозяин! – Крепыш эдзак³ отступил назад и взял с ящика арбалет. – Хочешь, чтобы я его сшиб?

– Нет! – Мощный-как-Пламя глядел на небо. Там, в полутысяче локтей от замаскированной горловины пещеры, выискивая место, чтобы сесть, плыл в воздухе бронзовый дракон.

– Нет! Мы схватим сопляка, когда дракон улетит кормиться!

– А и верно, хозяин! – Баразан отложил арбалет и с уважением поглядел на длинную тощую спину мага. – Как все ловко у тебя выходит, хозяин! – сказал он, подергав себя за бороду. – Как ловко!

– Не забывай, кто я! – Мощный-как-Пламя следил за драконом: бронзовый плавно опустился на самый верх каменной кручи, нависшей над морским берегом.

– Собирайся! – приказал маг, оборачиваясь к Баразану.

Тот поспешно схватил кольцо.

– Оставь! – Голос у мага низкий, как звук большой раковины. – Тебе нужно это железо, чтобы справиться с мальчишкой?

– Нет! Конечно нет, хозяин! – растерянно проговорил Баразан. – Но без доспехов я чувствую себя как-то...

– На острове нет никого, кроме нас! – раздраженно напомнил маг. – Если что-нибудь на тебе звякнет, мальчишка услышит, и придется гоняться за ним по этим проклятым кручам!

– А если... А если дракон нападет?

Маг расхохотался:

– Дурак! Драконы никогда не нападают на людей! Никогда, понял?

Но воин все еще мялся.

– А ты не мог бы приказать ему прийти сюда? – попросил он.

– Мог бы! Но пришлось бы вложить настоящую Силу, а мальчишка защищен! Его хозяин – сам Странник! Слышал о таком?

– Как не слышать! Это что ж, мы против Странника встаем, хозяин? – Опасение в голосе эдзака заставило мага брезгливо поморщиться.

– Хозяин ничего не узнает! – сказал он сердито. – Если, конечно, ты сможешь сцапать сопляка! А я только чуть-чуть помогу тебе! Все! Довольно болтать! Марш!

Дракон улетел обедать, и Гестион тоже решил перекусить. Его дорожная сумка была доверху набита снедью, завернутой в ароматные листья: забота Ронзангтондамени!

Жуя мягкий еще пирог с паштетом из печени и овощей, Гестион запивал его холодным кофе из кожаной фляги и лениво озирали спокойное вечернее море. Желудок его постепенно наполнялся, и мальчиком овладевала сонливость.

«Странно, – подумал он. – С чего это я так устал?»

³ Эдзак – уроженец Эдзама, государства на востоке Красной Земли.

Усилием воли он сбросил с себя оцепенение, плотнул еще кофе, заставил тело встряхнуться, а челюсти – жевать веселей. Сонливость ушла. Все-таки он был учеником мага и кое-что умел! Мысль эта еще больше взбодрила Гестиона. Он доел пирог и растянулся на мягкой желтой траве. Три дня назад Гестион покинул селение Гнон на спине бронзового дракона. А за ночь до этого во сне к нему явился Учитель и велел возвращаться в Руну, продолжать обучение. «Я найду тебя в свой срок!» – сказал ему Трой, и Гестион проснулся.

Но Учитель ничего не сказал Гестиону о том, как скоро мальчику следует вернуться в свою келью в Рунской школе магов. Потому, когда Биорк попросил его – раз уж он все равно летит в Руну – передать письмо другу вагара, светлорожденному Володу Русу, Гестион сразу же согласился. И тут же предложил доставить обратно ответ. В конце концов, учеба может немного подождать, а дело, безусловно, важное!

По тому, как обрадовался Биорк, Гестион понял, что оказывает немалую услугу. И возликовал.

Несмотря на попутные ветры, дракону понадобилось три дня, чтобы добраться до этого островка в шестидесяти милях от побережья Белого материка. Гестион, впрочем, не торопил дракона. Когда еще удастся полетать над Межземным морем? Или вершить дела, которые творят историю Мира. Конечно, Гестион вырастет, станет магом...

«Почему бы не позаниматься немного, пока есть время?» – пришла к нему полезная мысль. И в самом деле – почему? Он уже почти маг, а магу надо постоянно укреплять силу!

Гестион перевернулся на спину и погрузился сознанием в мир травы, на которой лежал. Волны радостного теплого воздуха шевелили его, прокатываясь от ног к голове... Медленные, тяжелые волны... «Тяжелые?» – шевельнулось в сознании мальчика. Шевельнулось и угасло: Гестион уснул.

– Вот он, хозяин, – прошептал Баразан, сдерживая дыхание, участившееся от быстрого подъема. – Спит он, что ли?

– Спит, – тихо ответил маг. – Я помог ему уснуть. Теперь иди и возьми его.

Баразан бесшумно приблизился к Гестиону и бережно поднял его на руки. Тот не проснулся, только пробормотал что-то и улыбнулся во сне. Тщательно выбирая место, чтобы поставить ногу, Баразан начал нелегкий спуск.

Маг шел за ним, вполголоса бормоча заклинания: отводил след.

Когда они вернулись в пещеру, Баразан уложил Гестиона на одеяло и с облегчением выпрямился.

– Что теперь, хозяин? – спросил он. – Ты его убьешь?

– Нет. – Присев, маг тщательно обыскал одежду мальчика. Тубус с письмами и серебряная восьмиконечная звездочка с руной «Хранитель» легли на плоский камень.

– Мы отвезем его в Гурам и продадим в хорошие руки. Дорого продадим: мальчишка наверняка умеет читать и писать, да и Основы знает, раз учился в Руне.

– Разве тебе нужны деньги? – удивился Баразан.

– С чего ты решил?

– Ну, хозяин, ты сказал: дорого продадим!

– Ах это... – Мощный-как-Пламя усмехнулся. – Дорогую вещь лучше оберегают. Мальчишка должен жить в порядке и довольстве, тогда и сила его будет невелика, и Страннику не так-то просто будет его отыскать. Ты хорошо укрыл лодку?

– А как же! – Воин удовлетворенно хмыкнул.

– Смотри! Если дракон обнаружит ее...

– Никогда! Слышь, хозяин, а что дракон будет делать, когда поймет, что мальчишки нет?

– Будет искать.

– А если... найдет? – Баразану стало не по себе. Людей он не боялся, но вот дракон...

– Если б не я, – не без самодовольства ответил маг, – наверняка нашел бы! Они держат связь с теми, кого избрали, на сотни миль. Но я здесь! И ни одна мысль не выйдет за пределы этой пещеры! Ни твоя, ни моя, ни... – он взглянул на спящего Гестиона, – ...его!

– Тогда-то что! – протянул Баразан. – А то, вишь, драться с драконом...

– Дурак! Драконы с людьми не сражаются! А сражались бы – тебе не жить. И сотни таких вояк, как ты, не хватит на одного дракона.

– Да? – усомнился воин. – А мне он показался довольно медлительным!

– Медлительным? Да он может отхватить тебе голову прежде, чем ты мигнешь! – Рука мага описывала медленные круги над серебряной звездочкой Гестиона. – А когти дракона таковы, что вспарывают борт юбки, как гурамская сабля – паутинную кисею!

– Никогда не видел такого! – заявил Баразан.

– Я видел. А теперь заткнись, пока я не заморозил твой язык!

Воин мгновенно умолк, а маг продолжал свои неторопливые пассы. Баразан, усевшись у стены, наблюдал за ним. Но он видел подобное уже много раз, и веки его быстро отяжелели. Воин уснул, привалившись широкой спиной к холодной стене пещеры. Снаружи стемнело. Баразан спал сидя, открыв рот, время от времени всхрапывал. Струйка слюны, вытекшая из угла рта, смочила рыжую клочковатую бороду. Отблески зеленого огня, созданного магом, придавали его коже мертвенный оттенок.

Рельеф западной части Черной Тверди был выполнен замечательно. И материал, из которого его сделали, нисколько не пострадал от времени. Вот только черные значки надписей были совершенно непонятны Биорку, умевшему читать на восьми языках. Незнакомы и красные нити дорог, и обозначения городов, которых давно уже не существовало. Рельефу никак не меньше тысячи лет, а скорее всего – намного больше. Неведомые мастера искусно вмонтировали его в желтую стену дворца, в восьмиугольном зале, напротив обрамленного барельефами открытого очага. Многое изменилось с тех пор, как рука мастера сотворила это чудо. Но очертания гор и русла больших рек остались прежними. К удивлению вагара, там, где теперь располагались Фаранг и Сарбур, на рельефе тоже были обозначены города. Разумеется, в те времена они не были ни Сарбуром, ни Фарангом. Был на рельефе и Шугр.

Удивительное творение! Имперские картографы полжизни отдали бы за подобное чудо!

Дворец Королевы нравился Биорку намного больше, чем Дом Сирхара. Теперь он был убежден, что строили его не нынешние урнгрия, а совсем иной народ. И от Дома Сирхара он отличался, как Солнце от Луны. Что ж, когда-нибудь у Биорка будет довольно времени, чтобы как следует изучить его.

Негромкий стук в дверь отвлек вагара от созерцания цветного рельефа. По тому, как стучали, он определил: слуга, и не из дворца.

– Войди! – произнес он.

Но вошел не слуга, а один из вновь назначенных жрецов Потрясателя Тверди. Биорк еще не решил, кто из богов займет место Хаора, но пока победитель Хаора казался ему самым подходящим. Жрецов надо было чем-то занять. С теми, кто обитал в Шугре, он уже разобрался, оставив в прежнем качестве не более чем одного из десяти. Остальных либо определил в армию, либо отправил трудиться под присмотром надежных людей. Все полосатые порядком ленивы. Отчасти ему «помог» Нил, отправивший в Нижний Мир больше тысячи жрецов: напоследок Хаор получил богатую жертву от своего прежнего слуги, Ди Гона. Достаточную, чтобы посметь явиться во плоти.

Слабо знакомый с культами империи, вагар попросил Эрда растолковать жрецам, как служить Потрясателю. И светлорожденный, который по традиции полагал грозного Владыку Тверди высшим из своих покровителей, рьяно взялся за дело. В письме, переданном Гестиону, Биорк просил прислать хотя бы пару настоящих жрецов, но от Гестиона пока вестей не было.

Погрузившись в свои мысли, вагар забыл о жреце, и тот напомнил о себе, шмыгнув внушительным, как у большинства урнгрия, носом.

– Чего тебе? – спросил сирхар не слишком дружелюбно.

– Вот, принес! – пробормотал жрец, не поднимая глаз. В руках у него был сундучок из черного дерева.

– Поставь и открой! – приказал Биорк.

Жрец повиновался.

Биорк заглянул внутрь и увидел несколько предметов, из которых сразу узнал только один – корону сирхара. Остальные же были густо облеплены черной массой, смахивающей на запекшуюся кровь.

– В чем это они? – осведомился Биорк.

– Мы вынули их из желудков священных кугурров! – отвечал жрец. – Прости, сирхар, мы не осмелились привести их в подобающий вид! – поспешно добавил жрец. – А корону нашли в Храме, на полу!

– Хорошо. Закрой. Ключ – мне! – велел он, когда жрец запер сундучок. – Отнесешь в Дом Сирхара и передашь страже.

Жрец повернулся, собираясь уйти.

– Постой! Скажи еще, чтобы приготовили мыльный порошок и горячую воду, я скоро приду. Теперь – отправляйся.

Отмыть затейливо выкованную корону оказалось нелегко. Хотя она была намного чище остальных вещей: двух перстней и... Хлыста.

Биорк долго вертел в руках тонкий цилиндрический жезл (грязь сошла с него при первом же движении тряпки), не зная, что с ним делать, но стараясь не направлять ни одним из полусферических торцов в свою сторону. Ни выступов, ни впадин не было на янтарного цвета поверхности. Биорк сильно сжал цилиндр в руке, но не ощутил ничего, кроме гладкого, на ощупь казавшегося теплым материала. Никакого эффекта!

«Оружие мага! – подумал он с сожалением. – Может, показать Санти? Нет! Кто знает, на что способна эта штука? Тут нужен кто-то поопытней, Трой например!» Биорк вспомнил, что Ди Гон носил Огненный Хлыст в кожаном чехле. Это было немаловажно: магические предметы могли здорово нагадить, если их хранили не так, как должно.

«Велю сделать такой же! – решил вагар. – Жаль, что его нельзя использовать, но зато у меня на поясе он будет безопасен!»

После Хлыста настала очередь перстней. Один из камней немного потускнел. Камень был зеленый, похожий на эдзамский смарагд. Второй, коричневый, непрозрачный, с неизвестной руной-значком на круглой верхушке кабошона, похоже, не пострадал. Биорк сунул оба перстня в карман куртки. Как и все вагары, он редко носил украшения. Впрочем, теперь он сирхар, а в Урнгуре иные обычаи.

Корона мага оказалась ему велика, но Биорк решил, что ее можно будет надеть поверх шлема.

«Солидная вещь! – подумал он. – Произведет впечатление на здешнюю публику!»

Тут, в Урнгуре, где каждая хозяйка деревни носит диадему, без короны не обойтись.

Двумя днями позже у Биорка появилась возможность продемонстрировать украшение сирхара. Почти месяц занимался он отбором среди подначальных хогранов, самих начальников хогр и наиболее толковых десятников, пока не набралось двенадцать дюжин воинов. Еще раньше, по его приказу, очистили от кактусов изрядный кусок плоскогорья. Там он и собрал тех, кого предполагал сделать командирами в своей будущей армии.

Выстроив их полукругом, так, чтобы одновременно видеть всю шеренгу всадников, Биорк выдержал подобающую паузу, а потом воскликнул:

– Ваша Королева поручила мне выбрать из своих воинов самых достойных! Таких, чтобы показали Миру доблесть Урнгура! – И замолчал.

Молчали и воины, ожидая продолжения. Даже парды вели себя тихо.

– Самых достойных! – повторил Биорк.

А потом добавил совершенно другим тоном:

– На мой взгляд, среди вас таких нет!

Урнгрия недовольно зароптали.

– Ага! – удовлетворенно заявил Биорк. – Вы еще не услышали меня, а уже бормочете, как бабы... тьфу!.. как черноногий сброд полосатых у выгребной ямы!

Его звонкий голос с легкостью перекрыл ворчание пардов и ропот всадников.

– Кое-кто из вас умеет побренчать железом, но так скверно, что только хуридский золотарь не улыбнется, глядя, как вы размахиваете ручонками! – Он выждал, пока ропот достигнет нужной величины и рывкнул: – Молчать! Позже я докажу каждому, кто пожелает, как мало он стоит в бою! Или вы думаете, что, подравшись пару раз друг с другом, уже стали солдатами?.. Молчать! Никто из вас не продержится и минуты против конгайского ветерана! Но это не все! Даже троих таких, как вы, довольно, чтобы разогнать сотню, три сотни, пять сотен ублюдков, которыми вы командуете! – Вагар сделал еще одну паузу. На этот раз шума не было.

– Командуете! – с сарказмом произнес бывший туринг. – Мне смешно слышать это слово, когда оно относится к таким, как вы! Я здесь уже два месяца, но ни разу... Ни разу! ...не видел, чтобы хоть кто-то из вас поучил этих уродцев держаться за меч!

И на сей раз вагар не услышал ни одного слова протеста.

– Я обещал вашей Королеве, – заявил он, – что через два сезона подготовлю три тысячи воинов, которых можно повести в бой без риска, что парды их врагов обделаются от смеха! Я – ваш сирхар! Позор, если в Конге или Гураме меня увидят с такими, как вы! Достойные больше не сядут со мной за один стол! Я сказал вашей Королеве: два сезона – и у тебя будет три тысячи всадников. Настоящих всадников! Мои доверенные уже посланы в Хуриду, чтобы обменять сок дурманного кактуса и смолу на боевых пардов! У Королевы будет три тысячи всадников! Кое-кто из вас станет десятником в этой армии! Это великая честь даже для хограна – стать настоящим десятником в моем войске! Остальные могут стать солдатами! А могут и не стать, если окажутся слишком ленивы!

– А теперь, – произнес вагар будничным тоном, – каждый, кто хочет, может скрестить со мной меч! Кто через три минуты не вывалится из седла, получит эту шапку! – Биорк коснулся прикрепленной к шлему диадемы сирхара. – Ну, есть такие, кому она нравится?

– Мне пойдет! – тут же откликнулся один из хогранов, опередив остальных.

Биорк удовлетворенно кивнул.

– Валяй! – поощрил он, и хогран бросил парда вперед.

Биорк даже не стал выхватывать меч. Он просто пустил собственного зверя навстречу и, когда до противника остался один прыжок, нырнул, уклонившись от удара, схватил урнгурца за край длинного плаща и обернул плащ вокруг луки своего седла. Толчок сбросил хограна со спины парда, плащ с треском разорвался, и освободившийся пард поволок прочь повисшего на ремне седока.

– Кто еще? – закричал Биорк.

Четверо воинов одновременно рванулись вперед, сердито крича друг на друга.

– Не ссорьтесь! – гаркнул вагар. – Ну-ка, все разом!

Урнгрия замялись.

– Три минуты! – напомнил вагар. – Вперед! Песок уже сыплется!

Всадники переглянулись, а потом, понукая животных, бросились в атаку. Дух соперничества – превыше всего! Они неслись, пригнувшись к гибким шеям летящих пардов. Двадцать пять локтей покрывает одним прыжком мчащийся изо всех сил пард, двадцать пять локтей, восемь двойных шагов. И три-четыре прыжка делает он на каждый удар пульса. Десять ударов сердца парда отделяло урнгрия от Биорка.

Вагар ждал, развернув своего зверя навстречу атакующим.

Первый налетел на Биорка, и пард сирхара отпрянул в сторону: столкновение двух пардов может покалечить животных. Первый пролетел мимо, а мигом позже Биорк ушел с пути второго. И выбросил тонкий хлыст, от которого не успел увернуться третий всадник. Хлыст с треском переломился, но сделал свое дело – оглушил беднягу. Четвертый попытался придержать своего зверя, но сделал это слишком поздно. Пард его взревел, взвился в воздух и попросту перемахнул через голову сирхара. Прекрасный прыжок! Но всадник едва не вылетел из седла – где уж тут думать о нападении.

А двое первых развернули зверей и вновь атаковали Биорка, уже не так стремительно. Вагар крепче сжал коленями бока парда, и тот прыгнул вперед. Урнгрия подняли мечи – прямые клинки в два локтя длиной. Левой же рукой каждый из воинов сжимал переднюю луку седла: они помнили, что сделал вагар с первым кандидатом на корону сирхара.

Биорк в правой руке держал короткий меч, а в левой раскачивал на цепочке в четыре локтя длиной стальной шар размером с кулак. В Хольде такой называют «железный орех».

К двум всадникам присоединился третий. По тому, как приближались урнгрия, Биорку стало ясно: сражаться каждый будет сам за себя. Но напали они одновременно. Три клинка взвились над головой Биорка. Парды заревели, приседая на задние лапы. Биорк откинулся назад, ударил вертящимся шаром в основание одного из клинков и вышиб его из руки хозяина. Пард вагара дернул головой, чтобы не угодить под удар меча. Оставшийся без оружия урнгурец осадил своего зверя, и пард Биорка тотчас оказался между двумя другими урнгрия. Кулак вагара врезался в незащищенный подбородок одного из воинов, и тот повалился на шею своего зверя. Короткий меч Биорка отшиб клинок второго всадника и прочертил алую царапину в просвете между стрелкой шлема и наланитником урнгрия.

– Ты мертв! – крикнул вагар и развернул парда к третьему, последнему всаднику.

Тот уже подобрал свой меч, но напасть явно не торопился.

– Ты передумал, сынок? – поинтересовался Биорк.

– Я не спешу! – отвечал урнгрия, оставаясь на месте. – Начинай, сирхар!

– Нет уж, я закончу! – бросил вагар, и стальной шар со свистом рассек воздух. Воротник шлема защитил шею урнгурца от обвившейся стальной цепи, но не защитил самого воина от падения, когда пард Биорка рванулся вправо.

Спустя несколько минут четыре его соперника, без повреждений, если не считать синяков и царапин, вернулись в общий строй.

– Я мог бы приказать вам напасть всем сразу, – заявил вагар, – но вы наверняка покалечите друг друга. Потому оставим это до времени, когда вы научитесь сражаться в строю!

Воины Урнгура удрученно молчали.

– Те четверо, что вывалились в пыли, – сказал вагар, – в общем знают, с какой стороны у меча жало. Пожалуй, случись кому из них столкнуться с конгайским новобранцем, я задумался бы, на кого поставить свой золотой! Но случись им, четверым, схватиться с двумя мечниками Конга – я бы знал, чьи мозги испачкают траву!

Биорк тронул обломком хлыста голову парда, и тот потрусил вдоль строя всадников.

– Я, парни, видел многое! – продолжал вагар. – Выбросьте из головы, что вы – начальники и хограны, и я научу вас делу! Я сделаю из вас, парни, солдат! Солдат! Воинов, которые хотят победить и знают, как это делается. И умеют при этом оставаться в живых! Да! Каждый из вас должен стать стальным когтем зверя, того зверя, что зовется – «войско»! И гордиться этим!

Любого из вас ничего не стоит прикончить! Я показал это всем, чтобы сбить спесь с дураков! И чтобы научить умных! Но настоящее войско убить нельзя! Оно – Зверь! Тысяча лап! Тысяча клыков. И ярость его растет быстрее, чем проливается его кровь! Вы станете таким Зверем, когда каждый будет беречь того, кто бьется рядом, больше, чем себя! Я видел, как дерутся пираты Омбама! Любой из них вдвое тяжелее любого из вас! Топоры их пробивают кирасу! Перед боем они пьют зелье, зажигающее кровь, зелье, что удваивает силу и утраивает ярость! Потому многие из них сражаются в одних набедренниках, с непокрытыми головами! Редкий воин не вздрогнет, увидев над собой топор Омбама! Но я сам стоял на палубе корабля, который осадили шесть пиратских шекк! Шесть! Они напали так быстро, что наши баллисты ни разу не успели выстрелить. И через десяток минут пираты захватили всю палубу: от носа до кормы!

Никто из урнгрия не видел шекки, даже моря никогда не видел: они слушали с жадностью детей.

– Свирепые, голые, размалеванные, как демоны, – продолжал Биорк, – они запрудили палубу, и их было втрое больше, чем нас! Зато мы, воины-моряки, прошли вместе сквозь сотню боев и знали мощь руки друга лучше, чем собственную. У нас были длинные мечи и большие щиты, окованные сталью, обтянутые шкурой хармшарка. И мы сомкнули щиты и соединили наши плечи, чтобы удары топоров не сбивали нас с ног. И мы стали четырьмя шеренгами, а внутри поставили арбалетчиков – чтобы сшибать лезших на реи.

Мы перегородили палубу на корме, где стоял наш отряд, и двинулись к носу, тесня Омбам, рубивший наши щиты и пачкающий наши сандалии своей отравленной кровью, когда мы ступали по их телам! Мы вытеснили их на нос, и они посыпались вниз, как крысы, и морская вода покраснела от крови! А пока живые карабкались на борта своих шекк, мы открыли порты баллист и угостили их огненным зельем, от которого закипает кожа! – Вагар замолчал. Его пард достиг конца шеренги и самостоятельно повернул обратно.

– Вот вся история! – сказал Биорк. – А рассказал я ее, чтоб каждый уяснил, чего я хочу! Кому это не по нраву – отправятся пасти овец! Есть такие?

Никто не двинулся.

– Отлично! Теперь так: вас здесь полторы сотни, и я выжму из каждого столько пота, сколько вы не пролили за всю жизнь! Я совершенно точно узнаю все, что вы сможете, если взяться за вас всерьез! А вы можете многое, иначе я не выбрал бы вас среди остального сброда! И я сделаю вас достойными своей Королевы, хоть такого давненько не бывало в этой стране! А потом вы научите тому же своих солдат, а я уж постараюсь, чтобы солдаты ваши не были тем крысиным пометом, который сплавляют Королеве Женщины Урнгуга! Все услышали меня?

– Да, да! – раздались редкие возгласы.

– Не слышу! – гаркнул вагар.

– Да-а! – рявкнули полторы сотни глоток.

– Вот другое дело! А теперь дальше... До сих пор у вас было три развлечения: молотить друг друга, пьянствовать и трахаться – опять-таки друг с другом! Мне плевать на ваши обычаи и привычки! Вы можете делать что хотите, когда вы – одни! Но когда с вами – я, вы – войско! И будете делать то, что я прикажу! Или то, что прикажет тот, кого я поставлю приказывать! Кто забудет об этом – умрет! И я поведу вас в мир, который там, за горами! И в этом мире – другие законы и другие обычаи! Например, там столько женщин, что их всегда хватит храброму солдату! И там есть море, которое слаще любой женщины! Я, парни, поведу вас туда и подарю вам радость, которой вы еще не знаете: я сделаю вас Войском!

Он остановился, медленно оглядел строй: до каждого ли дошло сказанное? Потом добавил более спокойно:

– Завтра пусть каждый возьмет все, что ему необходимо на десять дней, кроме пищи, и, вооруженный, ждет меня здесь через полчаса после восхода. Свободны!

И, развернув парда, поскакал в сторону Шугра.

Быстрые лапы зверя взбивали фонтанчики желто-серой теплой пыли. Вокруг поднимались стройные свечи кактусов. Голубые и сине-зеленые стволы расцвечены красными, белыми, желтыми пятнами цветов, уже осыпающихся. Там, где плоскогорье обрывалось и вниз уходил длинный зеленый язык склона, отделенный слева и справа темными рубцами ущелий, Биорк выехал на грунтовую дорогу. Растительность здесь сменялась так резко, что это вызывало удивление. Там, где зеленый «язык», заросший кустарником и низенькими кривыми деревьями, переходил в гряды сходящихся вниз холмов, вдоль дороги в два ряда росли могучие сине-хвойные кедровые с такими прямыми, несбежистыми стволами, будто были специально созданы, чтобы стать мачтами кораблей. Только им, красавцам, не суждено возноситься над палубами. Слишком далеко до моря. Да и сами урнгрия почитали кедровые почти как святыню и даже не использовали в строительстве – нигде, кроме севера страны. Там кедровые сплошь покрывали горные склоны.

Слева и справа от дороги лежали поля. На них еще не начался сбор урожая, как на тех, что лежали тысячу локтями ниже. Колосья мелкой урнгурской ржи созреют только к концу лета.

«Добрая земля, – подумал вагар. – Куда щедрее нашего севера».

Редкие встречные, завидев корону сирхара, спешили, если были верхом, или сходили на землю с неторопливых повозок, чтобы согнуться в низком поклоне. Когда вагар выехал на Дорогу Богов, позади раздался топот, и его парда обогнали несколько десятков всадников, салютовавших сирхару поднятыми мечами. Его подопечные спешили в Шугр – насладиться оставшейся частью дня. Вагар взглянул на сверкающие клинки в их руках и подумал, что такое оружие совершенно не годится для избранной им стратегии.

«Пики и круглые щиты! – решил он. – Надо дать распоряжение оружейникам! Хорошо, что железа вдоволь – накопилось за тысячелетия!»

Внизу показался опоясанный кольцами стен холм Шугра.

Летнее небо распростерлось над ним, такое синее, что захватывало дух.

Биорк посмотрел на север, откуда плыли к Шугру прозрачные, как кисея, облачка.

«Что-то долго нет Гестиона!» – подумал он.

VI

«Некогда царил на земле Ками, где нынче север Гурама, Владыка Сехем. Правитель мудрый, гордый и мощный, как подобает. Был он умом и сердцем Ками ровно тридцать лет. И процветала земля. И, процветая, забыл народ о праве богов. И, забыв, умалил почитание храмов своих. Но мудр был правитель Сехем – и не умерилась щедрость земли Ками.

Возроптали от людского небрежения жрецы Повелителя Судеб, сильнейшего из богов, и обратились к нему. А спустя время послали Сехему гонца из своих, и принес гонец следующее:

"Во славу древних Времен! Тебе, Господин земли! Мы, ничтожные из ничтожных, доносим речение бога: Умри, Сехем!"

Сильно разгневался Господин земли Ками. Ибо тридцать лет правил он одной собственной волей. Разгневался, но пощадил гонца. Помнил: подобает убить лишь вестника, злое принесшего. Рассудил: убью – злое принес. Оставлю в живых – ублажу Судьбу! И могучего бога ее тоже пораду. Мудр был Сехем!

Однако ж сказанное богом – услышано.

Призвал тогда Сехем трех ближних своих, советников, коих поднял из красной пыли к ногам своим за ум и неутомимость в служении. Сказал им.

Испугались советники, стали просить: не слушай, забудь!

Засмеялся Сехем: как забыть сказанное богом? Засмеялся, но успокоил: время раздумий пришло, не время действий!

"Поднимите свитки древние, от Начала Времен, узнайте, было ли сходное прежде? Не лгут ли жрецы?"

Пять дней искали советники. И пятью пятнадцать сотен писцов искали с ними. Нашли, к скорби своей, и предстали перед господином.

– Было! – сказали. – Вот доказательство!

Взял правитель земли Сехем три свитка Древних, развернул их ему прислужник. Долго читал. И еще дольше думал. А потом отослал всех и велел не тревожить себя до восхода.

И провел Сехем полночи размышляя. А затем призвал к себе наложницу свою, златокожую Месхт. Пришла к нему Месхт, рассветила улыбкой лицо, подобное нежной луне.

– Дитя! – сказал ей Владыка (так звал он Месхт, хотя сравнялось ей тридцать полных лет). – Ответь: вот я, господин Ками! Мой долг – пред землей моей! Сказано здесь! – Поднял старейший из свитков. – Да умрет повелитель, чтобы утучнилась земля его! Нет же – умножатся бедствия! Надо всем – воля богов! – И помрачнел Сехем, потому что не хотел умирать, много было в нем жизни.

– Тридцать лет правлю я страной! – сказал. – И еще тридцать лет могу править! И сила моя не иссякла? Так?

– Не иссякла, о Владыка! – сказала златокожая Месхт.

Кому как не ей знать о силе Сехема.

– Тогда скажи, не ведающая лукавства: умереть мне? Или – жить? Как скажешь – так и поступлю!

– Зачем тебе умирать? – удивилась Месхт, прекрасная, как полная луна. – Ты силен, тучна земля твоя, свободна от бед! И плодоносит щедро год за годом! Изобильна она, зачем унавоживать ее более прежнего?

Понимала толк в урожае златокожая Месхт, чьи волосы – как осенняя ночь. На меже зачали ее родители, в теплое сено положила ее

мать, родив. По праву была она дочерью земли Ками, по праву говорила от сердца ее.

– О мудрость твоя, что яснее моей! – воскликнул Сехем. И прижал к себе ласковую Месхт, и был с нею многожды, ибо не иссякла сила его, и зачал в ту ночь сына.

И провели они вместе весь последующий день, а когда взошла луна, повелел Сехем воинам своим взять старших из жрецов Повелителя Судеб, величайшего из богов, и бросить под ноги свои. И не ослушались воины: почитали Владыку выше, чем бога. И велел Сехем позвать палачей, искусных в деле своем, и предал жрецов в руки их, и сам наставлял палачей, ибо изошрен во всем был ум Сехема.

И признались жрецы, что не открывались им уста бога: солгали они, чтобы известить Сехема, чтобы умножились приношения храмам Повелителя Судеб в Ками. И долго еще тешился Сехем, пока солгавшие не испустили дух.

И сказал тогда:

– Тридцать лет правил я Ками! Тридцать лет буду еще править!

И ушел почивать.

Тогда же явился к нему во сне грозный из грозных, Повелитель Судеб, Неизъяснимым поставленный для разделения Времен.

И изрек ему:

– Дерзкий!

Потому что осквернил Сехем тела слуг бога, богу лишь принадлежащие.

И проснувшись, рассказал сон свой Сехем возлюбленной Месхт. И сказала женищина:

– Слыхала я: живет в горах, что к юго-западу от Ками, маг Сетхусп, что отправляет души смертных в Нижний Мир, а после возвращает назад, будто родились они заново! Иди к нему, о владыка! Не откажет тебе Сетхусп – и умрешь ты! И позабудет о тебе Грозный бог. И возродишься ты, сильный и мудрый, чтобы еще тридцать лет править Ками!

И сделал Сехем, как сказала женищина. И не отказал ему Сетхусп, уложил его в склеп сияющий на время в четверть года и еще четверть четверти. И пребывал Сехем в Нижнем Мире время сие, а земля Ками была под руками советников его верных. Когда же минуло положенное, вернул его в Мир Сетхусп, и раскрылся склеп сияющий, и вышел Сехем, возрожденный, мудрый и сильный, и гладким было лицо его, как у юноши.

Вернулся Владыка земли Ками и правил ею еще двадцать два года. И процветала земля. А потом вошел в силу сын Сехема Аху, один из троих, Месхт рожденных, зачатый в ночь ложного пророчества. И восстал Аху, подстрекаемый северными магами. Тайно восстал, отрекся от отца, отказался от матери – немедля пожелал завладеть богатой и могучей землей Ками.

Коварный, пришел Аху к отцу своему, и без звука пропустила его верная стража: сын, что наследует!

А Аху коварный обнял отца своего Сехема и уколол иглой с ядом. И стеснилось дыхание Сехема, и умер он, лишь в посмертии узнав, кто убийца. Потому не успел Сехем обуздать сына проклятием!

Но успела прекрасная по-прежнему Месхт!

Призвав богов, заклинала их обрушить свой гнев на отцеубийцу! Чиста сердцем была Месхт – услышали боги!

А Аху-отцеубийца воссел над землей Ками и правил. Две луны правил Аху. На третью пришел брат его единокровный Суманха и предал проклятого смерти.

Месхт же ушла в обитель мудрых и поселилась там, хуля и славя богов, ибо знала, за что постигла смерть возлюбленного ее и владыку!

И все же славен правитель Сехем! Потому что пятьдесят два года правил он землей Ками и радовалась земля под рукой его! А разве не в этом высшее благо?»

Гурамская легенда

Серый летел навстречу восходящему солнцу над безжизненными вершинами южного отрога Большого хребта, называемого в Конге Межевými горами, поскольку они отделяли обжитые земли от страшного Юга. Дракон летел высоко и, все же Санти приходилось время от времени брать за рукоять Белого Меча, чтобы отразить тянущиеся к нему магические щупальца. И Большой хребет, и Межевые горы полны волшебства. Страшного, но притягательного. Иногда Санти казалось, что не озаренные солнцем горы плывут под ним, а темная жадная зовущая бездна. Санти даже позавидовал дракону, чей разум был на диво устойчив к магии.

Серый летел на юго-восток. Туда, где за цепью Межевых гор лежал Гибельный Лес. Санти летел туда впервые. До сих пор Серый носил его на восток, к берегам моря Зур, или на северо-восток, над Хуридой, к южному берегу Межземного моря.

Вот уже полное десятидневье что-то влекло Санти на Юг. Зов? Чутье провидца? Или простая мысль: именно на Юг увозят «исчезнувших» по воле Великого Ангана? Раз его отец Тилод пропал в тот же день, что и Санти, значит, вполне мог оказаться на Юге. Юноша время от времени пытался внемлительной силой прозреть отца. И определенно знал: Тилод жив. Однако уловить его своей мыслью не мог, хотя многие часы провел в бесплодных попытках.

Голые угрюмые горы медленно уходили назад. Глаз Санти уже различал впереди фиолетовые пятна растительности. Воздух потеплел – дракон снижался. Он скользил вниз вдоль черного разлома, по дну которого мчалась рожденная ледником река. Еще несколько миль – и вместо мертвых камней внизу закудрявилась фиолетовая, синяя, зеленая шерсть леса.

«Интересно, есть ли здесь люди?» – подумал Санти.

На северных землях, в предгорьях, даже на этой же высоте, уже попадались селения и возделанные поля.

«Людей нет!» – немедленно отозвался дракон. Это, впрочем, означало лишь одно: Серый их не чувствует.

«Не опускайся слишком низко!» – предупредил Санти.

Все-таки как быстро! С рассветом они вылетели из Урнгура, а не позже захода достигнут южной границы Черного материка. Полет дракона! Здесь, наверху, время движется не так, как на земле. И быстрее, и медленнее одновременно!

«Куда течет эта река?» – спросил Санти.

«К месту, где много людей! Очень много людей, а дома велики!»

«Так это Сарба?» – удивился Санти. – Я думал, она намного севернее!»

«Ты хочешь, чтобы мы полетели вдоль реки?»

«Нет! Лети к югу!»

Дракон послушно развернулся, и солнце теперь светило в левую щеку Санти. Вскоре под ними уже простерлась плотная пестрая крыша джунглей.

Даже отсюда, сверху, Санти ощущал кипение жизни под ярким растительным пологом.

«Серый, неужели и здесь нет людей?»

«Есть! – лаконично ответил дракон. – Не много».

«Такие, как я?»

«Некоторые – да. – И добавил: – Внизу – смерть!»

Санти мгновенно схватился за навершие меча и, наклонясь – встречный ветер хлестнул его по щеке, – впился взглядом в разноцветный ковер, но ничего не ощутил.

«Не опасно!» – добавил дракон, и Санти расслабился.

Извилистая трещина рассекла крышу Гибельного Леса. Река. Она текла на юг. Дракон, по собственному почину, полетел к ней, и спустя минуту они уже скользили над зеленой сверкающей лентой. Дракон снизился, и Санти ощутил всю стремительность их полета. А ведь казалось – Серый даже не шевелит крыльями.

Впереди, словно туча пыли, поднялась стая ургов. Дракон летел прямо на них. Урги были огромные, пятнистые, прежде Санти таких не видел. Когда Серый врезался в стаю, крылатые ящеры с воплями бросились в стороны, а потом устремились следом, крича и шумно хлопая кожистыми крыльями. Но Серый не обратил на них внимания. Его челюсти без труда перекусят пополам и более крупное существо, а тягаться в скорости с драконом ургу бессмысленно.

Кое-где река расширялась, образуя острова – отдельные лоскутки пестрого ковра джунглей. Но на всем ее протяжении не было ни судов, ни каких-либо других знаков человеческого присутствия.

«Поднимись выше! – попросил Санти. – Я хочу найти места поселений. Ты чувствуешь их?»

«Я чувствую людей!» – ответил дракон.

И попытался передать Санти, что именно он чувствует. Но для юноши образ был слишком сложен.

«Поднимись повыше!»

И Серый медленными кругами начал взбираться в жаркое небо. Шел последний месяц лета, и здесь, на Юге, солнце не знало жалости. Его лучи добирались до макушки юноши даже сквозь головную повязку из восьми слоев воздушного тайского шелка. Но наверху было прохладней, а когда дракон заскользил вперед, свежий ветер дунул в лицо Санти, охлаждая разгоряченную кожу.

Река внизу превратилась в зеленую нить. Краски листвы слились в единый светло-зеленый фон, оттенки которого создавали некий сложный узор. Санти чувствовал, что море листвы внизу хотя и напоминает настоящее море, несет в себе совершенно иную силу. Лес впитывал свет, как земля впитывает дождь. Сейчас, когда света было слишком много, часть его отражалась от лиственного покрова, порождая «ручьи» и «озерца». А то, что «впитывалось», вызывало там, внизу, под пологом, мощное кипение жизни, так же, как прошедший дождь оживляет корни под землей.

В единый миг Санти осознал, что именно солнце дает жизнь Миру. Хотя здесь, на Юге, оно способно и отнять ее.

Санти понял живительную мощь светила и поднял лицо навстречу его лучам. И Небесный Огонь, прикоснувшись к Санти, наполнил его. Тело стало легким и сияющим, как в волшебном сне. Санти показалось: сейчас он оторвется от спины дракона и взлетит. Существо его притягивалось к Дарителю Света, как поднимающийся над водой пар.

«Вижу то, что ты ищешь!»

Санти очнулся, услышав мысль дракона. И взглянул вниз. Серый парил на огромной высоте. Санти, хотя и смутно, видел одновременно и темные зубцы горного хребта, и извилистый край берега моря. Сверкающие, как серебро, паутинки рек пронизывали ткань джунглей. Ближе к горам нитью жемчужных бусин легла цепочка озер. Рек было шесть. Пять из них прорезали джунгли, шестая, самая северная, Сарба, змеиной петлей изгибалась к северу.

Лес, реки и горы – вот все, что видят с такой высоты глаза человека.

Но в зрачке дракона есть особое место, позволяющее крылатому гиганту разглядеть крошку-медовницу с высоты тысячи локтей.

«Вижу три места, где живет много людей».

«Лети к самому большому», – попросил Санти.

Дракон наклонил голову и опустил концы крыльев. Поток воздуха ударил в лицо юноши, заставил пригнуться, спрятавшись за выступ позвонка. Серый наполовину сложил крылья и

камнем упал вниз. Такой полет доставлял дракону огромное удовольствие. А Санти изо всех сил вцепился в шейный шип. Встречный ветер мог запросто сорвать его со спины.

Но драконы всегда помнят о своих всадниках. Шея Серого изогнулась, голова приподнялась над линией крыльев, и широкое основание рога защитило юношу от напора рассекаемого воздуха.

Они летели с безумной скоростью, но земля приближалась медленно. Дракон чувствует небо и за полмили «видит» теплый восходящий поток. Дракон падал – и поднимался одновременно. То была почти магия. Магия, с помощью которой огромные могучие существа часами парили над землей и перелетали с континента на континент на «спине» штормового ветра. Серый был способен на большее. На то, что не по силам ни одному дракону Мира. И любой маг, странствовавший на крылатых повелителях воздуха, по одному лишь полету серого гиганта обнаружил бы необычное. Но Санти не был странствующим магом. Он вообще не был магом, в обычном понимании. Волшебная сила его исходила изнутри, а не извне, как у подавляющего большинства чародеев Мира.

Припав к теплой упругой шее дракона, Санти с быстротой арбалетной стрелы пронзал жаркое небо Юга, а внизу, неразличимый для человеческого глаза, скользил по сверкающей поверхности Зеленой Реки маленький тростниковый плот...

Скрестись в этот день пути Воды и Воздуха – и история Мира, возможно, стала бы иной. Но Судьбе было угодно, чтобы Спящий Дракон Конга наконец проснулся. Поэтому Серый летел на север, а тростниковый плотик по-прежнему скользил на восток, по мутно-зеленым водам южной реки: каждый – к своей цели. И обоих странников вел зов: одного – зов сердца, другого – зов злой воли, из бездн времени повелевавшей настоящим: жизнями и судьбами людей... И не только людей.

Три минуты понадобилось дракону, чтобы от Зеленой долететь до Южанки, самой широкой из пяти рек Юга, бравшей начало не от Великой Топи, а от самых отрогов Межевого хребта.

Дракон, снизившись до двухсот локтей, ниже вершин большинства деревьев-великанов Гибельного Леса, кружил над городком. Санти отчетливо видел каждый из домов поселка, даже крохотные фигурки людей, высыпавших посмотреть на дракона, хотя в это жаркое время человеку приятней оставаться под крышей. Каждый догадывался, что на спине дракона – человек. Какой дракон станет кружить над поселением людей? Что ему люди? Значит, на спине крылатого исполина маг. Магов же в Конге почитали и побаивались. У Санти появилось желание немедленно спуститься и заняться розысками отца. Но юноша вовремя вспомнил: магический его талант явно недостаточен, чтобы повелевать людьми. Тем более – военными. На большинстве задранных вверх голов даже сейчас, в полуденное время, поблескивали стальные шлемы. А в военном поселении слово начальника – единственное. Для начальника же наверняка единственным было слово Великого Ангана. Раз уж его поставили стеречь тех, кого Великий Анган считал опасными для себя. Нет, будь даже Санти искусным магом, садиться не стоило. Юноша в последний раз окинул взглядом городок, с трех сторон огражденный стеной, а с четвертой – рукавом реки. В небольшом порту у длинных деревянных пирсов покачивались три небольших торговых судна со спущенными парусами, два военных трехмачтовика и несколько десятков разномастных лодок. Джунгли вокруг поселка зачищены на милю в глубину, освобожденное место окружено еще одной стеной и, в свою очередь, отделено от Леса полоской выжженной земли. А между двумя стенами земля поделена на аккуратные прямоугольники плантаций. Дорога шириной шагов в десять уходила от поселения прямо в Гибельный Лес, а еще дальше Санти увидел несколько просек.

Дракон напомнил о себе: он был голоден. Санти вздохнул и позволил ему лететь к морю.

Солнце перевалило через макушку неба и неторопливо спускалось вниз. Маленький плотик достиг излучины Зеленой, места, где река делала петлю, полукругом обводя источенную пещерами стену.

Три фигуры, одетые в темно-серые плащи, расположились в густой тени Гибельного Леса в полумиле от места, где обрывалась просека. Рядом, разбросав лапы, вывалив широкие розовые языки, изнывали от жары три парда хушенской ⁴ беговой породы. Пардам было очень жарко. А вот хозяева их даже не потрудились сбросить с голов капюшоны: плевать им было на жару. И они не озирались по сторонам, выискивая опасность. Вели себя так, словно не Гибельный Лес вокруг, а мирная северная роща.

Но никто их не беспокоил. Даже мелкая живность держалась поодаль.

Внезапно один из троих пошевелился. Голова его медленно откинулась назад, и глаза, блеснув из-под нависающего капюшона, обратились вверх, на пеструю крышу листвы. Двое других тоже взглянули вверх. Три головы медленно поворачивались, будто сопровождали взглядом нечто, движущееся там, наверху, в сплетении пышных ветвей.

Затем все трое одновременно встали и, не обменявшись ни словом, подняли разомлевших пардов. Мгновение – и ремни упряжи подтянуты, а трое в плащах сидят в высоких седлах. Ножны мечей оттопыривали плащи, но под остроконечными капюшонами из толстой паутиновой ткани не было шлемов: всадники не принадлежали к сословию воинов.

Быстрые хушенские парды сорвались с места и помчались, пластаясь над густой щеткой трав, так что только мелькали по сторонам облепленные лианами стволы. Время от времени один или другой пард взмывал вверх, перемахивая через кустарник или замшелый ствол поваленного исполина.

Вихрем вырвались три парда на просеку, где работали десятка четыре ссыльных под охраной солдат. Солдаты едва успели проводить их взглядами. Несколько сторожевых псов с басыстым рыком бросились в погоню, но тут же отстали от пардов.

В минуту домчались всадники до охраняемых ворот. Заслышавшая рычание собак стража уже ждала, держа наготове оружие. Две баллисты, снаряженные огненными стрелами из поднятых над частоколом башен, «глядели» на дорогу.

Три всадника вырвались из тени Гибельного Леса. Стражники уперли в плечи приклады тяжелых арбалетов... Но медлили: все-таки – люди. До ворот оставалось шагов триста. Однако всадники, вместо того чтобы придержать пардов, погнались животных еще быстрее. Щелкнули, разряжаясь, арбалеты. Одна из баллист выбросила снаряд, ударившийся о дорогу и вспыхнувший огненным коптящим озерцом. Мимо. Стражники шарахнулись в стороны, трое в развевающихся серых плащах ворвались в открытые ворота и понеслись по дороге между двумя плодовыми рощами. Полдюжины стрел было выпущено им вслед – впустую. Пронзительный вопль боевой раковины предупредил охрану внутренних ворот о вторжении. Но те не успели их запереть. Пока четверо солдат бежали к тяжелым створам ворот, всадники уже примчались и, разбросав в стороны стражу, понеслись по придавленному жарой городку.

Солдаты бросились к стойлам пардов, но, прежде чем звери были оседланы, три всадника уже вынеслись на пристань.

Двухмачтовая улла ⁵ только что подошла к одному из причалов. Гребцы, подняв вверх длинные весла, убрали их внутрь. Солдаты, сверкая остроконечными шлемами, один за другим сходили по трапу.

⁴ Хушен – столица Гурама.

⁵ Улла – среднее парусно-гребное судно, напоминающее древнеримскую либурну, но поменьше и с иным парусным вооружением.

Трое вскачь вылетели на причал и осадили хрипящих зверей. Один спрыгнул на раскаленные доски и, грубо растолкав солдат, взбежал по трапу на борт уллы. Так быстро, что опередил даже полетевшие ему вслед ругательства. Человек в плаще стремительно прошагал на корму, где на него с изумлением уставились молодой кормчий и десятник, командующий воинским отрядом уллы.

– Что надо? – резко спросил кормчий.

Человек молча распахнул плащ.

Под серой паутинной тканью конгаи увидели светло-зеленый мундир высшего чиновника и серебряный медальон с изображением Спящего Дракона.

– Вернуть всех! – холодно произнес человек в плаще. – Мы плывем к морю!

– С какой стати? – буркнул кормчий. – Люди устали и...

– Молчи, Ругон! – оборвал его десятник. – Не слушай его, мой господин! – обратился воин к человеку в плаще. – Он – верный человек! – И, выхватив свисток, четырежды дунул в него. А потом скомандовал зычным голосом, разнесшимся по всему причалу: – Всем – на борт! Живо! – И кормчему: – Пошевели своих, Ругон! Вниз по течению, да еще с попутным ветром – невелика работа!

Воины бегом устремились наверх.

Когда стражники с южных ворот примчались к пристани, последний из пардов был уже на палубе судна, а матросы втягивали трап.

– Стой! Стой! – закричали стражники, срывая со спин арбалеты.

Человек в плаще, стоявший у борта, вновь распахнул плащ.

Солнце вспыхнуло на серебре медальона.

Десятник стражников, подскакавший вплотную, всмотрелся, потом плюнул на горячие доски и развернул парда.

– Возвращаемся! Все в порядке! – крикнул он остальным, и вполголоса: – Не мог сразу сказать, собачий сын! Вскачь по такой жаре!

– Отдать швартовы! – рявкнул кормчий.

Несильно ударяя веслами, гребцы вывели уллу на середину Южанки. Ветер вздул золотистые паруса, и судно скорым ходом двинулось вниз по течению.

«...Тогда мудрейшая из Королев во славу Хаора Доброго повелела заложить крепкий мост через...» – дальше бумага свитка была запятнана черным, более всего напоминающим след сапога. Санти отбросил свиток и растянулся на животе под сенью одичавших лимонных деревьев. Их было много здесь, на побережье, куда не доставало влажное дыхание Гибельного Леса. И не только лимонов. Крохотные зеленые персики, орехи, оливки. Когда-то тут жили люди, но Санти даже представить не мог, как давно это было. Юноша опустил ладонь в крохотный ключ, выбивающийся из трещины между камнями и тут же исчезающий в земле. Смочив лоб, он снова потянулся за свитком. Юноша уже неплохо говорил на языке урнгрия. А вот читал пока с трудом: урнгурская письменность не имела ничего общего с конгайской. Да и рукописи ему попадались не слишком интересные: жалобы, отчеты управителей, своды каких-то правил. Но юноша все надеялся отыскать что-нибудь достаточно древнее, чтобы добраться до истоков народа урнгрия. Ему это представлялось невероятно важным. Но поиски оставались безуспешными. Даже тысячелетней давности рукописи немногим отличались от современных. Казалось, до прихода Санти и его спутников время в Урнгуре текло по кругу. Санти не слишком рассчитывал на успех. Даже тысячелетие – небольшой срок для такого народа. То, что он искал, уходило в более глубокую древность. Махд-Шагош! Он чувствовал этот звук, чувствовал так, словно это ключ от неведомой двери.

Наступил вечер, но было достаточно светло, чтобы разбирать урнгурское угловатое письмо. Дракон давно улетел. Наверняка наелся рыбы и теперь спит на каком-нибудь скалистом острове.

Лежа на мягкой траве за двадцать шагов от берегового обрыва, юноша вновь ощутил себя таким, каким он покинул Фаранг. Воспоминания, друзья, магия – все это куда-то отодвинулось. Остались лишь запах земли и травы, свиток перед глазами, аромат лимонного дерева, шорох листвы над головой, отдаленный плеск волн у подножия обрыва. Глаза слипались. Мысли стали тягучими, медленными. Санти опустил отяжелевшую голову на руки: дремота овладела им...

Над моей постелью ветер
Насвистит напев негромкий,
Тонкотканый, колыбельный...
Над моей постелью, светел,
Звездный Кормчий правит, ровно
Гнутся весла...

Санти проснулся.

Слух еще хранил звук сорвавшегося камня, но не это разбудило юношу. Опасность!

Он вскочил на ноги, огляделся. Вокруг сгущались сумерки. Краски лиственного ковра померкли. Внизу у подножия обрыва ворчал море. Санти опустился на траву, надел сандалии, пристегнул к поясу меч. Все, он готов. Вот только к чему? Обратившись спиной к обрыву, Санти вглядывался в полумрак между низкорослыми деревьями. Дальше, вверх по пологому склону, где листва начинала отливать синевой, кроны казались черными. Санти попытался проникнуть в глубь рощи магическим чутьем, но не уловил чужого присутствия. Хотя твердо знал – опасность придет оттуда. Юноша на всякий случай отошел поближе к обрыву, на открытое место. И послал зов дракону. Серый не отозвался. Наверно, был слишком далеко.

Время шло. Сумерки сгущались. Но никто не пытался на него напасть. И ощущение опасности понемногу развеялось. Ну и хвала богам! Оказавшись один на один с темнотой и угрозой, без друзей-воинов, без могучего дракона, юноша очень хорошо ощутил: он вряд ли сможет толком защитить себя. Все, чему он успел научиться, сам или с помощью Этайи, не сделало из него бойца. Вряд ли он сможет справиться даже с обычными грабителями. Но – миновало. И хорошо.

Санти опустился на траву, прижался щекой к земле... и услышал мягкий топот бегущих пардов.

Юноша вскочил, словно подброшенный пружиной. Бежать? Но куда? И... поздно!

С трех сторон – топот и шумное дыхание верховых кошек. Три всадника возникли между деревьями. С трех сторон, одновременно, отрезая все пути к отступлению, – только обрыв за спиной, где полусотней локтей ниже плещется о камни теплое море.

Всадники выехали на поляну и остановились. Черные фигуры в остроконечных капюшонах. Лиц не разглядеть. Усталые пары шумно дышали, вывалив языки. Толстые хвосты раскачивались вверх-вниз.

«Я – маг», – подбодрил себя Санти.

И попытался сделать невидимым.

Три всадника разом соскочили на землю. Санти невольно сделал шаг назад, но второго шага сделать уже не смог. Ни отступить, ни пошевелиться!

Юноша подавил приступ паники. И попытался проникнуть в мысли противников... Ничего. Там, где у обычных людей он находил переплетения слов и образов, у этих – мутные темные сгустки. Совершенно непроницаемые.

Трое не приближались к юноше, но он ощущал: с ним что-то делают. Вкрадчивые прикосновения. Так гладят молодого парда, перед тем как надеть упряжь. Мысль Санти обратилась к единственному существу, которое могло ему помочь, к Серому. Но он тут же понял, что связь с драконом тоже разорвана. Санти словно заворачивали в некую волшебную ткань, отделяя от мира. Теперь юноша уже не ощущал ни гнева, ни страха. Все эмоции, желания, чувства уходили прежде, чем возникали. При этом Санти совершенно ясно воспринимал окружающее. Звуки, запахи. Зрение обострилось настолько, что Санти смог во всех подробностях разглядеть горбатые морды беговых пардов, складки капюшонов неизвестных магов, листву над их головами. Только лица по-прежнему погружены в сумрак. Сердце Санти билось ровно и редко. Ноздри медленно втягивали пахнущий морем воздух.

Все, они закончили. Все трое разом зашевелились, встряхнулись, как освободившиеся от тяжелого груза.

Один из неизвестных направился к юноше. Санти слышал, как похрустывают опавшие веточки под ногами идущего. Юноша глядел на него совершенно равнодушно. Невидимые путы, сковавшие его, ослабели. Ослабели настолько, что Санти, бездумно, подвинул руку, пальцы его коснулись оголовья эфеса... и Санти мгновенно освободился!

Почему он не вспомнил о Мече раньше?

Белый Клинок сам собой выскользнул из ножен. Маг отпрянул.

Тьма под капюшонами рассеялась, и юноша увидел лица своих врагов, разные, и – похожие. И осознал: трое боятся его! Санти понял, что этот страх заставит их убить его.

«Серый! – позвал он. – Серый!»

Юноша крепче сжал спасительную рукоять, понимая, впрочем, что бесценный клинок не сделает его воином. К несчастью, понимали это и три мага. Их собственные мечи тоже покинули ножны. Пусть нападавшие не были бойцами, но уже не одну сотню лет умели владеть оружием. Белый Меч защищал хозяина от магии, но от стали тот должен был защититься сам.

«Мы не причиним тебе вреда! – раздался в мозгу Санти вкрадчивый голос. – Мы не хотим убивать тебя!»

Голос не лгал. Но и не говорил правду. Трое были врагами. Они были сильны и опасны. Отчего же происходящее вдруг показалось Санти игрой?

– Уходите! – громко сказал он. – Уходите прочь! Мне ничего от вас не нужно, и я тоже не хочу убивать вас! Прочь!

Три мага двинулись к Санти одновременно. Он прикинул, сумеет ли убежать. Вряд ли! Единственный открытый путь – обрыв. Только – это не путь. Да, маги не хотят его смерти. Но если им не удастся завладеть его жизнью, смерть Санти – наибольшее их желание. Санти отступил на два шага. Трое не спешили. Юноша знал: им очень не хочется убивать его. До края обрыва оставалось девять шагов.

Санти снова отступил, и шагов осталось восемь. Шестнадцать локтей. Один прыжок парда.

Скользящая тень накрыла рожицу: дракон!

Слаженная воля трех магов устремилась ввысь, навстречу крылатому гиганту. Тень исчезла... и возникла снова.

Парды заурчали и попятились туда, где листва погуще.

Серый кружил над поляной, обдавая людей волнами воздуха. Санти ощутил, как сосредоточенная сила магов пытается оттолкнуть дракона. Самого Серого маги не боялись (драконы не нападают на людей), но крылатый мог унести Санти.

«Серый!» – позвал юноша, и зов его легко перекрыл мысленные окрики врагов. Сознание юноши соприкоснулось с сознанием дракона. И Санти увидел. Но не то, что видел дракон.

Плещущееся далеко внизу море, обрыв, серебристая трава, озаренная лунным светом, и он сам, лежащий ничком, в одежде, покрытой темными пятнами крови, со скрюченными пальцами, зарывшимися в сухой дерн, и кровавой вмятиной вместо затылка...

Это его, Санти, будущее... НЕТ!

Три мага, поняв, что дракона им не отогнать, двинулись к юноше. Санти неумело взмахнул мечом. Он не даст зарезать себя, как овцу!

Сильный порыв ветра толкнул Санти, когда крылатый гигант, сложив крылья, упал вниз, взрыв когтями каменистую землю. Ромбовидный «плавник» хвоста просвистел над головой Санти. Юноша отпрыгнул в сторону и увидел, как узкая треугольная голова раскачивается над сбившимися вместе магами. Длинные челюсти разошлись, мощный крик вырвался из глотки дракона. Перепуганные парды в ужасе бросились прочь: Санти услышал гулкие удары лап и хруст ветвей, быстро затихшие вдалеке.

Серый неуклюже прыгнул вперед, на отступающих магов, выставивших мечи. Острия клинков подстерегали каждое движение дракона. Санти заметил, что бока Серого округлились от съеденной рыбы.

Маги разошлись. Санти ощущал их смятение. Если бы он умел читать не только чувства, но и мысли, то понял бы причину их смятения. Они не понимали происходящего. Они не понимали этого дракона. Но отступать не собирались. Теперь двое из них старались зайти с флангов. Голова дракона маятником ходила над головами магов. Сумеет ли дракон, отяжелевший от еды, защитить себя? Юноша вспомнил Ди Гона. И еще он вспомнил слова Биорка о том, что настоящий маг может двигаться куда проворней, чем обычный человек. Из горла дракона вновь вырвался ужасающий крик. Даже Санти содрогнулся. Но не маги! Темные фигуры в длинных плащах, с тускло поблескивающими клинками, от которых во все стороны расползались щупальца Ужаса, сковывающие все живое.

Санти был защищен от пут Темной Силы Белым Мечом. А дракон?

Санти чувствовал: чародеи совсем не боятся крылатого гиганта.

«Серый! Улетай! – воззвал к нему Санти. – Они убьют тебя!»

Дракон смахнул его мысль, как человек отталкивает шалящего щенка.

Три мага ринулись вперед, разом, с невероятной быстротой...

И вот тут Санти, наконец, увидел, на что способен дракон. Огромная голова метнулась вперед быстрее, чем мысль. Один из магов взлетел вверх – сомкнутые челюсти ударили его в грудь, проломив грудную клетку. Он еще не коснулся земли, а треугольная голова уже устремилась вправо и ударила второго врага, вбив ему в легкие осколки ребер и подбросив на десяток локтей вверх. Третий маг с неимоверной быстротой метнулся вперед и ударил мечом по гибкой блестящей шее...

Клинок отскочил, не оставив и царапины, а живой таран, описав в воздухе полукруг, обрушился на чародея сверху, и мозг мага разбрызгался, как начинка спелого плода от удара палкой. И тут первый из магов, грохнувшийся на траву в двадцати шагах от дракона, встал. В груди его зияла огромная рана, но чародей, подобрав меч, бросился в атаку. Не на дракона – на Санти! Враг двигался с нечеловеческой быстротой, и все же дракон опередил его. Широкое крыло вскинулось вверх. Когтистые пальцы, растущие из среднего сочленения, растопырились и схватили мага за правое плечо. Острые кривые когти пропороли человеческие мышцы. Маг дико закричал, уронил меч. Челюсти дракона лязгнули, но чародей как-то ухитрился увернуться. Дракон разжал когтистые пальцы, стряхнув укрытую плащом фигурку на траву. И на сей раз узкие челюсти дракона настигли врага, с хрустом сомкнулись...

Серый взмахнул головой, и то, что осталось от тела мага, исчезло за краем обрыва. Спустя несколько мгновений Санти услышал удар о прибрежные камни.

Несколько мгновений – и рухнул один из древнейших постулатов Мира, гласивший: драконы никогда не нападают на людей. Любой настоящий маг немедленно задался бы вопросом:

что произошло? Драконы изменились? Впервые за тысячелетия? Или серый крылатый гигант Санти – не дракон?

Но Санти не был настоящим магом. И не знал почти ничего из того, что следует знать магу. Он даже не удивился. Даже пард защищает своего хозяина, почему же дракон должен вести себя иначе?

И край крыла коснулся ног юноши!

«Мы не будем ночевать здесь! – услышал он мысленную речь Серого. – Плохое место!»

Что ж, вероятно, так и есть. И Санти спокойно шагнул на эластичную перепонку дракона, который только что убил троих людей. Не просто людей – магов...

Так свершилось то, что должно было свершиться. То, чего надеялись избежать те, кто за два с половиной столетия до рождения Санти, пересекли путь основателя рода Асенаров с путем народа вагаров. И соединили эти пути навсегда, чтобы в нужное время чистая кровь Асенара и добрая сила Белого Клинка вагаровой работы остановили возрождающуюся древнюю мощь – чтобы никогда больше не легла на земли Мира страшная тень окрыленной колесницы...

VII

«Шел второй месяц зимы, месяц Снега. А здесь, в лесах северо-западного Хольда, снега всегда вдоволь. Тяжелыми толстыми подушками лежал он на ветвях пихт и могучих голубых кедров, поблескивающим выпуклым ковром укрывал землю, превращая лес в подобие уходящего в бесконечность тронного зала Северного Владыки. Чистого сверкающего зала с множеством взметнувшихся ввысь серебряных колонн.

Слой снега – по горло среднеростому человеку. И достиг бы середины нагрудника Асхенны, как раз до медальона с родовым гербом, дарованным его отцу Торду. К счастью, Асхенне не приходилось измерять глубину сугроба собственным телом. Будь это так, он навсегда бы остался в лесах Владыки. Бегство Асхенны было столь поспешным, что лыж у него не оказалось. Убить же какого-нибудь зверя, чтобы сделать из его шкуры снегоступы, Асхенна мог и не успеть.

По счастью, с Асхенной – пард. Могучий боевой пард хольдской породы, неутомимый, густошерстый, вскормленный самим Асхенной и вышколенный им для себя. Пард стального цвета, без единого пятнышка, словно поседел от старости. Но эта седина – лишь знак чистоты крови. Как светлые с золотом волосы самого Асхенны. Пард в лучшем возрасте, не будь снежный покров свежим, широченные лапы зверя спокойно несли бы тяжесть и его самого, и вооруженного воина, сидящего в высоком седле. Так было, когда летел пард по твердому насту, унося Асхенну от преследователей. Но сейчас, после обильного ночного снегопада, корка стала слаба. Хотя бледно-золотые лучи, прорывавшиеся сквозь кроны, обещали, что к ночи, когда похолодает, наст станет твердым, как панцирь.

Буран (так звал своего парда Асхенна) передвигался короткими прыжками, каждый раз проламывая лапами наст и по брюху проваливаясь в снег. Не будь шерсть парда такой густой и жесткой, лапы его до крови изодрались бы об острую корку. Но все равно зверю приходилось тяжело. Асхенне намного легче. И он мучился, сознавая, что ничем не может помочь другу. Воин готов был сделать остановку, но в седельных сумках не так уж много еды, а кто поручится, что ночью опять не пойдет снег?

Месяц назад Асхенне исполнилось восемнадцать лет. Вместо густой бороды, приличествующей воину-норгу, его нарумяненные морозом щеки покрывала редкая светлая поросль, сгустившаяся на верхней губе. Асхенна – сын воина и воспитан отцом как воин. Для войны. Для этой войны. Одиннадцать дней назад светлорожденный Галуд, властитель Элека, был предательски заколот собственным братом, и благородный Торд, отец Асхенны, был убит на том же кровавом пиру. Впрочем, за двенадцать лет Смуты подобное стало в империи обычным делом. За Асхенной смерть пришла на следующее утро: кто оставляет в живых возможного мстителя? Убийцы нашли Асхенну... и кованный вагарами черный спад юноши оказался быстрее трех клинков, ищущих крови сына Торда. А Буран – быстрее пардов погоня. От берега озера Лейр, через земли русов преследовали Асхенну. И хотя мать его и бабка были русами, не осталось здесь родичей у Асхенны. Весь западный берег Руссы лежал в пепле и руинах. Только на землях веддов погоня отстала, может, потеряв след, а может, отчаявшись догнать неутомимого Бурана. Земли веддов тоже опустошила война. Асхенна

видел флаги владетелей, развевающиеся над уцелевшими крепостями, но в брошенных деревнях не видел ни людей, ни скота, ни даже горсти ячменя. Не стал сын Торда искать у веддов убежища, подумал: тут и своих голодных ртов хватает. И направил парда на северо-запад, к Дикому лесу. Решил молодой воин ехать к вольному Гарду. Там, у подножия Ледяных гор, вблизи земель кузнецов-вагаров, которых не рисковали задевать ни светлейшие властители, ни наемные дружины, вряд ли достанет Асхенну рука врага! А в Гарде, городе рыбаков и морских охотников, владеющий мечом и парусом Асхенна найдет себе место. Год-другой на одном из кораблей, что бороздят Имирово море, а там, глядишь, настроение у богов переменится, и черный спад Асхенны попьет крови убийц.

Пард окончательно выбился из сил и остановился, тяжело дыша, жадно глотая снег.

– Ах ты бедняга! – ласково сказал ему всадник и соскочил в сугроб. Пард быстро лизнул его в нос розовым жестким языком и тут же лег. Асхенна утоптал снег, развязал седельную суму и вынул кусок жирного прессованного корма. Буран с хрустом принялся размалывать зубами коричневую лепешку, а его хозяин достал завернутую в мех флягу с теплым еще вином и узкую ленту вяленого мяса. Свернув пополам лепешку из ячменной муки, он засунул в нее мясо и принялся за еду. Как удачно, что в то роковое утро он собирался отправиться на охоту и приготовил припас на двенадцать дней. Сейчас от припаса остались крохи, но и до цели – не больше пятидесяти миль. Летом Буран донес бы его за один дневной переход, зимой же потребуется два-три дня. И то – если наст будет крепким.

"Ничего! – подумал Асхенна. – Дойдем! Буран найдет под снегом слизней, или я подстрелю кого-нибудь! Дойдем! Даже если снова будет снегопад!"

Воин прислонился к теплему боку парда и проверил, хорошо ли затянут чехол, защищающий от сырости лук и саадок со стрелами. Пард уснул, положив широкую голову на передние лапы, свернув в клубок мускулистое гибкое тело. Асхенна втиснулся внутрь этого клубка, и ему стало совсем тепло. Впрочем, молодому воину и прежде не было холодно: одежда из двойного меха, наружу и внутрь, хороша в самые жестокие морозы. И не нужно возиться с костром. Хотя, если он убьет кого-нибудь, огонь все равно понадобится.

Асхенна заснул.

Когда он проснулся, вернее, когда проснулся пард, разбудив и хозяина, уже наступил вечер. Стемнело, но даже для человека было достаточно светло. Луна плыла по звездному небу, и ее свет просачивался между лапами кедров и рассыпался блестками по снежному насту.

Пард встал, стряхнув с себя хозяина, и лизнул наушник его шапки.

Асхенна вскочил на ноги и ткнул рукавицей в стенку снежной ямы. Крепко! Надыхали! А наверху?

Буран потерся головой о плечо хозяина. Человек, поняв, освободил зверя от груза: седельных сумок и оружия. Толкнувшись задними ногами, пард мягко вспрыгнул наверх, осторожно прошелся по снежной корке. Держит! Пард фыркнул, рыкнул и забегал кругами, прислушиваясь, припохиваясь, перебираясь от одного ствола к другому, – искал слизней. Голубые слизи невелики, обычно – не больше локтя длиной. Поедая опавшую хвою, они возятся под снегом, затихая лишь в самые сильные морозы. Парду ничего не стоит услышать слизня даже под четырьмя локтями снега. Сам Асхенна притронулся бы к слизи, лишь

умирая от голода. Впрочем, в Диком лесу и зимой достаточно более привлекательного мяса. Мясо это быстро бежит и неплохо защищается, но у Асхенны сильный лук, да и уйти от парда может разве что рогатый прыгун. А если наткнуться на стаю серебряных ящеров или желтых бахунов, из чьих шкур получается отличная, не хуже акульей, кожа для щитов – еды хватит на целую сотню всадников. Верно, однако, и то, что не один Асхенна охотится в лесу. Но хуруги сюда забредают редко, да и спят они зимой, а быстрые, как молния, короткохвостые белые рыси никогда по собственной воле не нападут на всадника.

По-настоящему опасны столько харсы – огромные голубые убийцы, свирепые кошки пятнадцати локтей в длину, в один прыжок покрывающие тридцать шагов. Да еще – Серые Убийцы, двуногие волосатые ящеры в двадцать локтей длиной. Эти не будут специально выслеживать парда и человека, как это делает харса, но не откажутся закусить при случае и тем, и другим.

Асхенна охотился и на харсу, и на Серого Убийцу. Но тогда он был не один, и охотников сопровождали псы, несколько больших свор. Без натасканных собак, если встретишься с гигантом-ящером один на один, – надежда только на ноги парда! А уж харса, Смерть Севера, настигнет даже парда, если окажется от него в нескольких прыжках. Впрочем, копье и меч Асхенны – с ним. Да и Бурана не стоит забывать. Хотя, по правде, против харсы пард – ничто.

Буран сильными ударами когтистых лап проломил корку и нырнул в сугроб. Асхенна слышал, как он рычит под снегом, забираясь глубже, отшвыривая задними лапами поблескивающую пыль. Воин выбрался из ямы, притопнул ногой – держит. Значит, будет держать и парда со всадником!

– Буран! – позвал он.

Пард выкарабкался из-под снега, поспешно проглотил остаток слизи и подбежал к хозяину. Асхенна спихнул его в яму, приладил к седлу груз и шлепнул парда по мохнатому крупу. Буран мощным прыжком выметнулся вверх, и Асхенна прыгнул в седло.

Теперь они двигались быстро. Пард бежал бесшумной рысью, Асхенна покачивался в седле, поглядывал по сторонам. Иногда ему чудились тени, скользящие по сверкающему в свете луны снегу. Но поскольку пард продолжал бежать в прежнем темпе, опасности не было. От быстрой езды Асхенна пришел в отличное настроение. Через день они достигнут реки Индир. А там и до Гарда рукой подать.

Буран бежал всю ночь. Хольдские парды воистину неутомимы! А утром Асхенна заметил несколько бахунов, длиннотелых желтоволосых ящеров, пожирателей слизи.

Увидев человека на парде, бахуны начали быстро зарываться в снег, но Асхенна успел сорвать чехол с наконечника копья и метнул оружие в последнего из желтых. К немалой силе броска прибавилась скорость мчащегося парда: тяжелое копье с широким, плоским, остро отточенным наконечником ударило в спину ускользающего бахуна, пробив прочную пластинчатую шкуру, обросшую сверху подобием волос. Редкой красоты получился бросок! Асхенна даже взвизгнул от удовольствия. Выхватив меч, он скатился в сугроб. Бахун корчился в агонии: железко копья перешибло ящеру хребет. Снег быстро пропитывался кровью. Асхенна схватил бахуна за хвост и рывком перевернул его на бок. Пасть ящера, полная мелких острых зубов, потянулась к человеку, но зверь уже издыхал. Ударом меча Асхенна перерезал светлое пульсирующее горло. Освободить охотничье копье оказалось потрудней.

Отрубив мясистые задние лапы и хвост, воин связал их вместе и отложил в сторону. Потом кивком головы разрешил томящемуся Бурану заняться остальным. Пард, рыча, набросился на окровавленную тушу и быстрыми ударами передних лап мгновенно вытотрошил бахуна. Набив брюхо внутренностями (больше пард ничего есть не стал), Буран уселся на хвост и принялся вылизываться. Асхенна дал ему время привести себя в порядок, а потом привязал к седлу отрезанные части и отправился дальше. Сырым бахуна не едят, и воин высматривал поваленное дерево, чтобы развести огонь. Подроста в Диком лесу нет, а рубить вековой ствол лиственницы или кедра – только зря тупить боевой меч!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.